

С. И. ВАХРИН

**КАМЧАТСКАЯ ТАЙНА
СВЯТОЙ МАТРОНЫ
МОСКОВСКОЙ**

**Санкт-Петербург
Свое издательство
2017**

Блаженная Матрона Московская – самая сегодня почитаемая святая в России. Секрет ее популярности прост: она перенесла все те житейские тяготы, которые выпали на самый тяжелый период истории Российского государства – красный большевистский террор, она прошла все испытания, которые только могут выпасть на долю одного человека – природную слепоту, потерю возможности ходить, гонения, преследования, глумления, ненависть, сохранив в своей первожданности то, без чего не может существовать глубоко духовный человек, – любовь к Богу, человеку, родной земле. Вера без любви – пустой звук. А любовь блаженной Матроны Московской была очень горькой, потому что она не просто переживала вместе со своими современниками все то, что было предначертано испытать взбесившейся нации, предавшей Бога и разрушившей храмы, она предвидела всю эту страшную нравственную и кровавую трагедию революции, гражданской войны, красного террора, Великой Отечественной войны, она глубоко осознавала первопричину этой нравственной национальной трагедии и несмотря на все те препятствия, которые создавались на ее пути к людям воинствующими атеистами – красными комиссарами, – она НЕСЛА СВОЙ КРЕСТ, активно участвуя (при всей своей физической беспомощности) в духовном возрождении нации, в пробуждении нравственных чувств и формировании духовных сил. «Жизнь будет хуже и хуже. Тяжкая. Придет время, когда перед

вами положат крест и хлеб, и скажут – выбирайте! Если народ не кается, то гибнет и исчезает с лица земли» (св. Матрона Московская).

Вера в Бога – это вера в божественную, то есть духовную, человеческую суть, главной составляющей которой является СОВЕСТЬ.

Человек без совести, бессовестный человек, не может быть человеком духовным. Это самый страшный грех – это падение в бездну. Это то, что в народе называется «продать душу дьяволу».

Человек может оставаться человеком, внешне отказавшись от Бога, как вынуждена была отказаться от Него вся многоплеменная русская нация после Октября 1917 года. Но человек окончательно перестает быть человеком, когда он теряет Совесть – то есть ту духовную нить, которая и связывает его, по сути, с Богом. И блаженная Матрона Московская существовала в этом безбожном большевистском мире благодаря тому, что умела увидеть в людях их духовную сущность и помочь ей проявиться. В тех простеньких рассказах, которые люди, говоря о чуде и чудесах, связанных с Матроной Московской, передавали из уст в уста, есть очень важная связывающая их всех часть – человек, для которого творилось это чудо (исцеление ли, моральная поддержка, тайна будущего), должен был быть (или СТАТЬ!) человеком духовным, человеком нравственным, человеком С СОВЕСТЬЮ.

Русское национальное единство – это единство духовное. Православие – стержень этой духовности, следовательно, православие и есть стержень русского национального единства, а совесть – стержень русского национального характера.

Блаженная Матрона Московская, НЕСЯ СВОЙ ДУХОВНЫЙ КРЕСТ, понимала, что те духовные семена, которые она разбрасывает в годы самого озверелого

и озлобленного безбожия, прорастут в душах людей не скоро. Она предвидела, что дорогу к ее могиле люди вскоре забудут, тропинка к ней зарастет травой, а само имя Матроны Московской будет предано забвению... (Блаженная предсказывала: «После моей смерти на могилку мою мало будет ходить людей, только близкие, а когда и они умрут, запустеет моя могилка, разве изредка кто придет... Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбами помолиться за них ко Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу» — «Житие»).

Но не случайно когда-то, еще до кровавых Октябрьских событий, Иоанн Кронштадтский, впоследствии признанный святым, назвал Матрону, тогда еще совсем девочку, восьмым столпом России. Почему восьмым? Вот одно из объяснений: «Семь столпов поддерживали историческую Русь, восьмой утверждает Русь Вечную. Восьмой столп — это не только святая блаженная Матрона Московская, — это все русские святые, рожденные в последние времена. Это святые, упреждающие Второе пришествие...».

Может быть, на самом деле, Иоанн Кронштадтский и не выделял Матрону в то время из общей среды богомольцев. Суть не в этом — легенда имеет совсем другое значение: святая Матрона Московская — простая деревенская женщина, слепая, обезноженная в семнадцать лет, беспомощная, преследуемая идеологическими врагами и подонками, лишенная крыши над головой и нередко даже куска хлеба, по силе своего духовного влияния на русскую нацию в годы ее самых страшных испытаний, по силе своего духа и воли оказалась равной таким столпам русского православия (и русской государственности), какими были для России святые Александр Невский и Сергей Радонежский...

А ГДЕ ЖЕ ТАЙНА?

Где же тайна, которую мы обещали? На самом деле тайн этих две, и они взаимосвязаны. Первая из них – тайна рождения святой Матроны Московской.

Так получилось, что 19 ноября 2016 года в Москве в «Московском Доме Национальностей» я был участником Межрегиональной научно-практической конференции «Имена и судьбы в родовой памяти и генеалогии», где должен был выступить с докладом.

Я сделал доклад. Но совсем не такой, какой был у меня официально заявлен.

Все произошло потому, что передо мной выступил Валерий Владимирович Бибилов – президент Союза Возрождения Родословных Традиций, один из ведущих специалистов по российской генеалогии. Тема его доклада: «Тайна рождения Матроны Московской» (Имена и судьбы в родовой памяти и генеалогии. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М., 2016. С. 55-59). Я привожу здесь полный текст этого очень важного для нас выступления.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ МАТРОНЫ МОСКОВСКОЙ

«Эта история началась в ноябре 2005 г., когда группа энтузиастов возвращалась с устроенной ими же первой генеалогической выставки в Нижнем Новгороде. Морозным солнечным днем наша машина была остановлена сотрудником ГАИ возле Покровского монастыря в Москве. И пока водитель разбирался с гаишником, я впервые услышал имя святой Матроны Московской от одной из наших коллег. Рассказ о деяниях Матроны сильно поразил меня, и возникло желание узнать подробности о жизни Святой. В тот же день интернет выплеснул на меня огромный поток информации, которую до этого я почему-то не видел.

Зато теперь у меня словно пелена упала с глаз, образ Матроны я стал встречать везде, купил несколько изданий «Житие блаженной старицы Матроны». Внимательно изучив книжечки, я заинтересовался историей рождения Матроны, а учитывая, что она была практически нашим современником, покинув этот мир в 1952 г., решил, что ее еще помнили на малой родине. Но, увы, все оказалось не так просто.

В опубликованной литературе указывалось, что родилась Матрона Дмитриевна Никонова либо в 1881, либо в 1885 г. в Тульской губернии в селе Себино. Название села мне показалось знакомым и, просмотрев свои материалы по родословию Бибиковых, я убедился в своей догадке. Ранее село принадлежало тульской ветви этого большого знаменитого рода, а точнее, Ивану Васильевичу Бибикову (1826–1875). Этот факт заставил меня задуматься о неслучайности всех совпадений, кто-то упорно старался привлечь мое внимание

к судьбе старицы Московской, а разночтение в датах только увеличивало интерес. Мне захотелось заняться родословием Матроны Московской серьезно.

Первое, с чего я начал – это посетил Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и порадовался, что сохранились первые три ревизии по этому селу, которое принадлежало помещикам Бибиковым, Яньковым, Новосильцевым, состоящим в родственных отношениях друг с другом. Изучив такие документы, было вполне возможным найти упоминание о предках Матроны в начале XVIII века. Но чтобы составить непрерывную цепочку родственников, надо было идти не из глубины веков (т.к. фамилий у Себинских крестьян на тот период не было), а от Матроны, т.е. начинать надо было с изучения документов Государственного архива Тульской области (ГАТО). Главным специалистом по Тульскому архиву в нашей организации по праву считается Зайцев Геннадий Арнольдович, да и живет он в Туле. Геннадия очень заинтересовал мой рассказ, тем более что и он тоже ранее ничего не слышал про Матрону. Решили с ним не откладывать дело в «долгий ящик» и составить родословие Матроны к нашей, уже второй по счету выставке, которая должна была состояться летом 2006 г. в Брянске.

Скудость, а зачастую и ошибочность информации («...отца Матроны Никоновой звали Дмитрием, мать Натальей, отчества родителей были не известны»), представленная в книжках про Матрону, направили нас первоначально в ложном направлении. И только благодаря кропотливым поискам в ГАТО и РГАДА удалось уже на 3-й Всероссийской генеалогической выставке, в Курске (ноябрь 2006), продемонстрировать Древо Матроны Московской. Полное Древо в тот мо-

мент включало в себя 117 персон и родоначальника, крестьянина села Себино – Ивана с датой рождения до 1650 г. Именно в эти годы был заложен Покровский монастырь, где ныне находятся мощи святой.

В процессе исследования нам пришлось столкнуться с рядом трудностей, связанных в первую очередь с излишним мифологизированием рождения и первых лет жизни старицы, описанных в официальном «житии Матроны». В первую очередь, удивил факт отсутствия точной даты рождения. В разных изданиях «жития» указывались разные годы (1881, 1885 и даже 1890), а дата рождения не фигурировала вовсе, хотя приводились детали появления на свет Матроны и очевидцами было подробно описано ее крещение.

В процессе работы над родословием были просмотрены: ревизские сказки, сельхозпереписи за разные годы, протоколы собраний односельчан, а также метрические книги по всему приходу села Себино за 1880–1890 гг. К сожалению, ни в одной из метрик не было обнаружено записи о рождении Матроны Дмитриевны Никоновой, хотя различных Матрон было найдено предостаточно. После нахождения дат рождения всех братьев и сестер святой и анализа просмотренных документов стало ясно, что девочка с именем Матрона в семье крестьян Никоновых могла появиться только в 1883 г. На эту дату косвенно указывает и запись в сельскохозяйственной переписи по Тульской губернии за 1911 г. В этой переписи зафиксирована семья крестьянина Дмитрия Иванова Никонова, с указанием возраста членов семьи, среди которых значится «...дочь 28 лет, девица...» с пометкой «К», что означает – калека. Но именно в метрической книге за 1883 г. в разделе «о родившихся» сохранилась только первая страничка

за январь месяц. Куда делись остальные страницы, остается только догадываться.

Откуда же взялись годы рождения Святой (1881, 1885), указанные в разных изданиях «жития»? Вот как отвечает на этот вопрос иеромонах Иов: «Когда мы в 1997 году приступили к подготовке материалов к прославлению старицы Матроны Дмитриевны Никоновой, уже существовали о ней публикации. В жизнеописании было сказано, что она родилась в 1881 году. Для проверки этой даты был послан запрос в Тульский областной архив, где хранятся метрические книги храма Успения Пресвятой Богородицы ее родной д. Себино Епифанского у. Тульской губ. В ответ на запрос было сообщено, что в метрических книгах за 1881 г. села Себино записи о Матроне Дмитриевне Никоновой не имеются. ...Алексей Константинович Светозарский (ныне профессор МДА) посоветовал посмотреть кладбищенские книги. Я сказал об этом Антонине Борисовне Малаховой (ныне монахиня Матрона), которая ухаживала за могилой блаженной старицы. Мы пошли в контору Даниловского кладбища. Нам очень быстро принесли книгу за 1952 г. Начали просматривать записи за май. Вскоре открыли страницу, относящуюся к 4 мая (святая старица умерла 2 мая). Помню, как замерло сердце, когда я увидел поблекшую от времени запись, сделанную фиолетовыми чернилами: «Никонова Матрона Дмитриевна, 66 лет». Поэтому можно уверенно предположить, что праведная Матрона родилась в конце октября или начале ноября (по старому стилю) 1885 г. Эта дата была указана в житии, составленном для Синодальной комиссии по канонизации святых. Публикации об этом не было, поэтому неверная дата (1881) до сих пор воспроизводится...».

Вот такая история, ну не мог тогда предполагать уважаемый служитель церкви, что спустя 9 лет нами будет найдена в метрической книге за 1885 г. запись о рождении 17 августа брата Матроны – Ивана.

Не соответствовали документам и другие эпизоды жизни Матроны, описанные в «Житии». Например, Матрона родилась не в многодетной семье, как было написано, а в семье, где к моменту ее появления был всего один ребенок – девочка 10 лет, т. е. полноценная помощница по дому. Не нашло подтверждения и утверждение, что Матрона была последним ребенком: после нее в семье родились еще два мальчика. Не была семья и бедной, дом был крыт железом. Удивляли такие слова из книги: «Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки...», мало того, что такие мысли матери кажутся нам кощунственными, ведь там же написано: «Родители Матроны отличались глубоким благочестием...», так еще и приют был открыт только в 1891 г. Эти и другие несоответствия из книг заставили нас более внимательно проанализировать сам факт появления на свет Матроны.

Впервые год рождения Матроны – 1881 – был указан в биографии, написанной Зинаидой Ждановой, в доме которой она прожила почти восемь лет. Как мы теперь знаем, в метрической книге этот факт не отражен, более того, вызывает недоумение, что биограф (Жданова) не спросила о дне рождения у самой Матроны. Или спрашивала Жданова, а Матрона и сама не знала, но тогда откуда подробности крещения, описанные в книге? Как известно, Матрона от рождения была незрячей, у нее не было глазных яблок. Это редкое заболевание (один случай на 20 тыс. рождений)

называется анофтальмия. Аномалия обусловлена одним рецессивным геном, локализованным в аутосоме. Чтобы ребенок получил такое генетическое заболевание, каждый из родителей должен нести в себе этот ген, но это возможно, только если в роду были близкородственные браки. При составлении родословной нами были просмотрены не только прямые предки семьи Никоновых, но и их боковые ветви. Можем утверждать, что таких браков в этом роду не было, в крестьянских (да и дворянских) семьях случаи бракосочетания с четвероюродными, троюродными и даже двоюродными родственниками встречались, но не в этом роду.

Не могли мы игнорировать еще одно утверждение из «Жития»: «Дочь местного помещика, благочестивая и добрая девица Лидия Янькова, брала Матрону с собой в паломничества...». Создается впечатление, что речь идет о вполне взрослом человеке. Опять ошибка: дело в том, что Лидия Александровна Янькова родилась 25 июня 1885 г., т. е. она была на два года моложе Матроны. В «Житии» сказано, что на момент встречи Иоанна Кронштадтского и Матроны ей было 14 лет, соответственно, Лидии было только 12, не могли девочки (одна из которых ограничена в передвижении) путешествовать без сопровождения взрослых. Может, кто-то из помещиков села взял на себя труд заботиться о девочке-калеке, но почему? Как я уже писал выше, помещики Бибиковы и Яньковы были в родстве, причем в очень близком. Так, в роду Бибиковых-Яньковых близкородственных браков было не менее пяти. Попутно замечу, что двоюродной сестрой Лидии Яньковой была Надежда Андреевна Бибикова (в девичестве Янькова, 1877–1951), дочь основательницы Шамординского женского монастыря – схимонахини Софии

(Янькова Софья Михайловна, в девичестве Болотова, 1845–1888), которая, в свою очередь, являлась дочерью урожденной Бибиковой Александры Дмитриевны. Бабушка же самой Лидии Яньковой была в девичестве тоже Бибиковой. И это еще не весь клубок родственных связей. Вот где велика вероятность появления аутосомного гена!

Если принять как вероятную нашу версию, что Матрона появилась в семье Никоновых в ноябре 1883 г., то следует обратить внимание на тот факт, что за три месяца до этого в семье Никоновых умер годовалый сын Андрей. Как я уже писал выше, в семье на тот момент остался только один десятилетний ребенок, что не являлось типичным для крестьянских семей, которые, как правило, были многодетны.

Профессиональные генеалоги знают, что в те времена рождение детей не планировалось – «как Бог дал». С научной точки зрения рождение детей было обусловлено физиологическими особенностями конкретной пары. В некоторых семьях дети рождались с очевидной периодичностью, а в некоторых с разными промежутками, хотя и в этом тоже особенность конкретной пары. Так вот, если обратить внимание на годы рождения детей в семье Дмитрия и Натальи Никоновых: «Михаил – 1870, Пелагея – 1873, Устинья – 1876, Иван – 1879, Андрей – 1882, МАТРОНА – 1883, Иван – 1885, Михаил – 1888, то увидим, что из периодичности рождения (три года) выпадает только факт рождения Матроны в этой семье. Хотя, конечно, в каждой системе бывает сбой...

Укажу на еще один интересный факт. В ревизской сказке за 1858 г. в многочисленной семье Никоновых числятся не только близкие родственники и девятилет-

ний отец Матроны – Дмитрий, но еще и три приемыша, т. е. в семью охотно принимали чужих детей, больше такой семьи в деревне Себино не было.

Подводя итоги, можно уверенно заявить, что в семье Никоновых девочка с именем Матрона могла родиться только в 1883 г. (хотя и с написанными выше оговорками). Если же рассматривать даты, указанные в «Житии» (1881 или 1885 годы), то следует однозначно признать, что девочка родилась в другой семье, хотя такое же предположение может относиться и к 1883 г. тоже. Отсутствующие (может, и не случайно) страницы метрической книги за 1883 г. могли содержать не только дату рождения святой, но и факт принятия в семью Никоновых чужого ребенка.

И последнее. Каждый из нас своими чертами характера во многом обязан своим родителям, воспитанию, которое мы от них получили, а наша судьба зачастую predetermined многовековой историей всего рода. Поэтому проведенные Бибиковым и Зайцевым исследования не преследовали цели подвергнуть сомнению «Житие Матроны Московской», многократно повторенное в различных изданиях. Мы хотели составить родословную ЧЕЛОВЕКА, причисленного к лику святых, чтобы понять истоки святой праведности Матроны. Найденные документы и наши выводы позволяют утверждать, что истинная жизнь Матроны была намного трагичнее, чем ее литературное описание.

Тайна рождения Матроны пока не до конца разгадана, но работа продолжается, и, возможно, нам удастся еще чуть-чуть приподнять полог времени».

ВТОРАЯ ТАЙНА – ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Я должен был выступить после Валерия Владимировича Бибикова. Тема моего доклада «Камчатская политическая ссылка в XVIII столетии», в котором я, в частности, упоминал о двух знаменитых свадьбах времен Анны Иоанновны – о насильственной женитьбе ссыльного Алексея Яковлевича Шубина, фаворита царицы (будущей императрицы) Елизаветы Петровны, на камчадалке и шутовской свадьбе в Ледяном доме Квасника и Бужениновой (князя Михаила Алексеевича Голицына и безымянной камчадалки, крещенной императрицей с именем Евдокии Иоанновны Бужениновой). В Москве к этому времени я нашел потомков камчадалов, рожденных в результате этих двух исторических браков, и накануне имел встречу с одним из потомков княгини Евдокии Иоанновны Голицыной – Владимиром Юрьевичем... Яньковым, первым поведавшим мне ту тайну происхождения святой блаженной Матроны Московской, которую я на следующий день услышал из уст человека, который собственно и начал раскрывать эту тайну, – Валерия Владимировича... Бибикова.

Вот так самым чудесным образом, практически в одно и то же время слились в моем сознании воедино две истории одной из самых известных в России фамилий – князей Голицыных.

И слова Валерия Владимировича Бибикова в его докладе: «...каждый из нас своими чертами характера во многом обязан своим родителям, воспитанию, которое мы от них получили, а наша судьба зачастую predetermined многовековой историей всего рода...», – применимо к данной конкретной истории

рода, о которой я сейчас расскажу, считаю пророческими.

Сегодня в истории нашего Отечества очень много забыто. И, может быть, как раз тайна происхождения святой Матроны Московской позволит чуть-чуть приоткрыть занавес тайной истории России, которую скрывали и скрывают от нас на протяжении многих столетий.

В истории православной России всегда, на протяжении, наверное, всей ее тысячелетней истории шла непрекращающаяся ни на день, ни на час борьба двух противоборствующих стихий, известная, в частности, в виде одного из эпизодов этой борьбы как конфликт нестяжателей (идеалистов, учеников Нила Соровского) и иосифлян (то есть стяжателей — материалистов, прагматиков, строителей и разрушителей, последователей жестких доктрин Иосифа Волоцкого о физическом искоренении всякого инакомыслия). Святая Матрона об этом говорила очень просто: «Мир лежит во зле и прелести, и прелесть — прельщение душ — будет явная, остерегайся».

Конфликт этих двух противоборствующих сил на самом деле был и остается внутренним конфликтом русской нации, избирающей в ту или иную историческую эпоху один из двух путей своего государственного существования: либо пойти по пути демократии, как Великое Княжество Литовское, и раствориться вслед за ним в истории, либо продолжать идти по пути самодержавия, чтобы стать великой Российской ИМПЕРИЕЙ.

Россия стала империей, то есть избрала как свое национальное кредо позицию иосифлян, стяжателей. Она стала собирательницей земель и народов. Но, утратив дух нестяжательства, Россия превратилась в

пупьный

нѣль соускій

тюрьму народов... Так было при царях, узаконивших крепостное право, так было при красных императорах, превративших советскую империю в единый концентрационный лагерь...

Дух государственного стяжательства в правительстве Руси выражала часть старомосковского (древнерусского) боярства, главным идеологом которого на протяжении многих веков выступали бояре Кошкины-Захарьины-Романовы. Они же выступали арбитрами и при церковных спорах с нестяжателями, жестоко расправляясь с инакомыслием, как с ересью.

Дух нестяжательства – стал основой идеологии другой части старорусского боярства из той же семьи Кобылиных, что и Захарьины-Романовы, – бояр Колычевых, а также православных потомков литовского князя Гедимина, вынужденных бежать из католической Литвы в Московское государство в связи с уничтожением в этом славянском государстве православия и православных. Одним из его потомков на Руси был князь Патрикий Наримантович, внук Гедимина, от которого и пошли князья Патрикеевы, Голицыны, Куракины...

«Видным учеником и последователем Нила Сорского был Вассиан Патрикеев (ок. 1470 – до 1545), в миру князь Василий Иванович Патрикеев, по прозвищу Косой. Его взгляды изложены в нескольких трактатах. «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания отвержения мира», написанное вскоре после собора 1503 г., содержит доказательства в пользу монастырского нестяжания и требует от монашества всецелого отречения от мира. «Ответ кирилловских старцев» отвергает требование Иосифа Волоцкого предать еретиков казни и на основе евангельских заповедей любви и милосердия обосновывает необходимость

терпимого отношения к ним. В полемической апологии евангельской любви и всепрощения автор приводит многочисленные примеры прощения грешников. Он абсолютизирует принцип посмертного воздаяния, доказывая, что только Богу подвластен суд над согрешающим человечеством. Попытку расправы над инакомыслящими он расценивает как дерзкую и неправомерную узурпацию божественных функций».

Вот слова очень важные для нашего очерка: *«Чтобы достичь торжества евангельской Христовой любви, Вассиан, прежде всего, проповедовал нестяжательство — и как способ земной жизни, и как важнейшее условие спасения. Это теме посвящены практически все его сочинения. Однако если для Нила Сорского нестяжательство было принципом личной жизни и жизни его обители, то Вассиан стремился к тому, чтобы нестяжательство стало принципом жизни всей Русской Православной Церкви»*. То есть всего Русского государства, идеологическим стержнем которого было и остается православие.

Первым в истории Отечества князь Василий Иванович Патрикеев задолго до введения крепостничества высказался о тяжелом положении монастырских крестьян, которые подвергались иосифлянами истязаниям за долги перед монахами.

Именно Вассиан Косой выступил против насильственного (без вины) пострижения в монахини Соломонии Юрьевны Сабуровой — жены великого князя Василия III, пожелавшего жениться на юной Елене Глинской, которая была потомком того самого Мамаю, разгромленного на Куликовом поле (расположенного всего в двадцати верстах от села Себино, где родилась святая Матрона) святым великим князем Дмитрием Донским. Великий князь не простил своего духовни-

ка — Василий Косой князь Патрикеев был отдан на растерзание иосифлянам и, по словам князя А. Курбского, «презлые осифляне уморили его».

Колычевы вместе с Гедиминовичами были той боевой силой при князе Владимире Андреевиче Старицком, которая противостояла бесовскому Ордену кромешников, созданному Кошкиными-Захарьиными-Юрьевыми для организации Опричного террора во времена Ивана Грозного, вылившегося впоследствии в Великую Смуту и воцарение Романовых...

Князя Голицыны – это и есть православные потомки князя Гедимины (его внука Патрикея), которые пришли служить православному великому князю Московскому и православному государству. Им нечего было терять – свои родовые земли в Литве они уже потеряли. И поэтому их всех во главе с митрополитом Филиппом Московским (Колычевым), которого опричники-кромешники казнили, как и князя Старицкого и других патриотов Отечества, выступавших против

опричников и Опричнины, объединяла идея Василий Косого о нестяжательстве как национальном духовном братстве, альтернативой которому было жестокое духовное и физическое порабощение своего народа, осуществленное на практике кромешниками, когда Романовы пришли к власти...

Совершенно не случайно, что Орден кромешников был орденом сатанистов, который, будучи разгромленным в 1570-х годах, вновь пробудился к жизни во время Великой Смуты и, в конечном итоге, вышел из той борьбы победителем, призвав на трон потомка своего творца, боярина Захарьина-Юрьева, – Михаила Федоровича Романова.

Князя Голицыны и Куракины, прямые потомки князей Патрикеевых-Гедиминовичей, обрели значительное государственное значение именно ко времени Великой Смуты, и один из трех братьев Голицыных рассматривался как кандидат в русские цари, но, в отличие от митрополита Филарета (Романова), принявшего священство сначала из рук одного, а потом и второго Лжедмитрия, князь Василий Голицын не вернулся живым из польского плена, в который он попал, возглавив русское посольство. Второй, самый младший, брат – князь Андрей Голицын – был убит поляками во время Московского восстания, так как тоже представлял большую опасность для оккупантов. Третий – после воцарения Михаила Романова был отправлен им в ссылку, где князь Иван Васильевич Голицын и умер.

Казалось, род прекратил свое существование. Но только казалось. У князя Андрея было четверо сыновей (четверо детей будет и у другого князя Андрея Голицына, о котором у нас речь впереди), от которых пошли четыре ветви князей Голицыных, каждая из ко-

торых вошла в историю России и мира многими славными именами.

Историю, как известно, пишут победители. Себе они, естественно, добавляют славы, а тем, кто был ими побежден, — позору.

Так было и с «птенцами гнезда Петрова», которые на корню уничтожали все русское — в том числе и православие, и сам русский народ, и его культуру, и его историю. Сегодня об этом уже можно говорить. Еще вчера — было под строжайшим запретом. Ведь Петр был Великим. Не важно, что великим он был только для Запада, где очень высоко оценили его разрушительную роль. А в своей собственной стране он был назван Антихристом...

Василий Васильевич Голицын, фаворит правительницы Софьи Алексеевны, еще при жизни получил от своих соплеменников, помимо многочисленных официальных чинов и наград, титул Великий. Получил за свой великий вклад в государственное строительство. Его роль в истории Российского государства сегодня пока еще оценивается только в тени величия и славы царя Петра, который, не имея ни кровинки романовской царской крови (читайте об этом в «Записках князя Петра Долгорукова»), сверг свою неродную сестру Софью Алексеевну и сослал на Русский Север крупнейшего государственного деятеля допетровской эпохи, князя Василия Васильевича Голицына и его семью, конфисковав все их имущество.

Вот, в частности, мнение известного русского историка В. О. Ключевского о государственной деятельности этого человека:

Князь Василий Васильевич Голицын

Младшим из предшественников Петра был князь В. В. Голицын, и он уходил от действительности гораздо дальше старших. Еще молодой человек, он был уже видным лицом в правительственном кругу при царе Федоре и стал одним из самых влиятельных людей при царевне Софье, когда она по смерти старшего брата сделалась правительницей государства. Властолюбивая и образованная царевна не могла не заметить умного и образованного боярина, и кн. Голицын личной дружбой связал свою политическую карьеру с этой царевной. Голицын был горячий поклонник Запада, для которого он отрешился от многих заветных преданий русской старины. Подобно Нащокину, он бегло говорил по-латыни и по-польски. В его обширном московском доме, который иноземцы считали одним из великолепнейших в Европе, все было устроено на европейский лад: в больших залах простенки между окнами были заставлены большими зеркалами, по стенам висели картины, портреты русских и иноземных государей и немецкие географические карты в золоченых рамах; на потолках нарисована была планетная система; множество часов и термометр художественной работы довершали убранство комнат. У Голицына была значительная и разнообразная библиотека из рукописных и печатных книг на русском, польском и немецком языках: здесь между грамматиками польского и латинского языков стояли киевский летописец, немецкая геометрия, Алкоран в переводе с польского, четыре рукописи о строении комедий, рукопись Юрия Сербенина (Крижанича). Дом Голицына был местом встречи для образованных иностранцев, попадавших в

Москву, и в гостеприимстве к ним хозяин шел дальше других московских любителей иноземного, принимал даже иезуитов, с которыми те не могли мириться. Разумеется, такой человек мог стоять только на стороне преобразовательного движения – и именно в латинском, западноевропейском, не лихудовском направлении. Один из преемников Ордина-Нащокина по управлению Посольским приказом, кн. Голицын развивал идеи своего предшественника. При его содействии состоялся в 1686 г. Московский договор о вечном мире с Польшей, по которому Московское государство приняло участие в коалиционной борьбе с Турцией в союзе с Польшей, Германской империей и Венецией и этим формально вступило в концерт европейских держав, за что Польша навсегда утверждала за Москвой Киев и другие московские приобретения, временно уступленные по Андрусовскому перемирию.

И в вопросах внутренней политики кн. Голицын шел впереди прежних дельцов преобразовательного направления. Еще при царе Федоре он был председателем комиссии, которой поручено было составить план преобразования московского военного строя. Эта комиссия предложила ввести немецкий строй в русское войско и отменить местничество (закон 12 января 1682 г.). Голицын без умолку твердил боярам о необходимости учить своих детей, выхлопотал разрешение посылать их в польские школы, советовал приглашать польских гувернеров для их образования. Несомненно, широкие преобразовательные планы роились в его голове. Жаль, что мы знаем только их обрывки или неясные очерки, записанные иностранцем Невиллем, польским посланцем, приехавшим в Москву в 1689 г. незадолго до падения Софьи и Голицына. Невилль видался с князем, говорил с ним по-латыни о современных политических событиях, особенно об английской революции, мог

Василий Васильевич Голицын

от него кое-что слышать о положении дел в Москве и тщательно собирал о нем московские слухи и сведения. Голицына сильно занимал вопрос о московском войске, недостатки которого он хорошо изведal, не раз командуя полками. Он, по словам Невилля, хотел, чтобы дворянство ездило за границу и обучалось там военному искусству, ибо он думал заменить хорошими солдатами взятых в даточные и непригодных к делу крестьян, земли которых оставались без обработки на время войны, а взамен их бесполезной службы обложить крестьянство умеренной поголовной податью.

Значит, даточные рекруты из холопов и тяглых людей, которыми пополняли дворянские полки, устраивались, и армия вопреки мысли Ордина-Нащокина сохраняла строго сословный дворянский состав с регулярным строем под командой обученных военному делу офицеров из дворян же. Военно-техническая реформа в мыслях Голицына соединялась с переворотом социально-экономическим.

Преобразование государства Голицын думал начать освобождением крестьян, предоставив им обрабатываемые ими земли с выгодой для царя, т. е. казны, посредством ежегодной подати, что, по его расчету, увеличивало доход казны более чем наполовину. Иноземец кое-чего недослышал и не объяснил условия этой поземельной операции. Так как на дворянах оставалась обязательная и наследственная военная служба, то, по всей вероятности, насчет поземельного государственного оброка с крестьян предполагалось увеличить дворянские оклады денежного жалованья, которые должны были служить вознаграждением за потерянные помещиками доходы с крестьян и за отошедшие к ним земли. Таким образом, по плану Голицына операция выкупа крепостного труда и надельной земли крестьян совершалась посредством замены

капитальной выкупной суммы непрерывным доходом служивых землевладельцев, получаемым от казны в виде возвышенного жалованья за службу.

При этом не стесненный законом помещичий произвол в эксплуатации крепостного труда заменялся определенным поземельным казенным налогом. Подобные мысли о разрешении крепостного вопроса стали возвращаться в русские государственные умы не раньше как полтора века спустя после Голицына. Много другого слышал Невилль о планах этого вельможи, но, не передавая всего слышанного, иноземец ограничивается общим несколько идиличным отзывом: «Если бы я захотел написать все, что узнал об этом князе, я никогда бы не кончил; достаточно сказать, что он хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов в храбрецов, пастушечьи шалаши в каменные палаты». Читая рассказы Невилля в его донесении о Московии, можно подивиться смелости преобразовательных замыслов «великого Голицына», как величает его автор.

Эти замыслы, переданные иностранцем отрывочно без внутренней связи, показывают, однако, что в основании их лежал широкий и, по-видимому, довольно обдуманый план реформ, касавшийся не только административного и экономического порядка, но и сословного устройства государства и даже народного просвещения. Конечно, это были мечты, домашние разговоры с близкими людьми, а не законодательные проекты. Личные отношения кн. Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своих преобразовательных замыслов: связав свою судьбу с царевной Софьей, он пал вместе с нею и не принимал участия в преобразовательной деятельности Петра, хотя был ближайшим его предшественником и мог бы быть хорошим его сотрудником, если не лучшим. В законодательстве слабо отразился дух

его планов: смягчены условия холопства за долги, отменены закапывание мужеубийц и смертная казнь за возмутительные слова. Усиление карательных мер против старообрядцев нельзя ставить целиком насчет правительства царевны Софьи: то было профессиональное занятие церковных властей, в котором государственному управлению приходилось обыкновенно служить лишь карательным орудием. К тому времени церковные гонения выросли в старообрядческой среде изуверов, по слову которых тысячи соvrащенных жгли себя ради спасения своих душ, а церковные пастыри ради того же жгли проповедников самосожжения. Ничего не могло сделать и для крепостных крестьян правительство царевны, пристращавшей буйных стрельцов дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворян стрельцами и казаками. Однако несправедливо было бы отрицать участие идей Голицына в государственной жизни; только его надо искать не в новых законах, а в общем характере 7-летнего правления царевны. Свояк и шурин царя Петра, следовательно, противник Софьи, кн. Б. И. Куракин оставил в своих записках замечательный отзыв об этом правлении. «Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было; и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножилась коммерция и всякие ремесла, и науки почали быть составлять латинского и греческого языку... И торжествовала тогда довольность народная».

Свидетельство Куракина о цвете великого богатства, по-видимому, подтверждается и известием Невилля, что в деревянной Москве, считавшей тогда в себе до полумиллиона жителей, в министерство Голи-

Царевна Софья. Портрет 1680-х гг.

цына построено было более трех тысяч каменных домов. Неосторожно было бы подумать, что сама Софья своим образом действий вынудила у противника такой хвалебный отзыв о своем правлении. Эта тучная и некрасивая полудевица с большой неуклюжей головой, с грубым лицом, широкой и короткой талией, в 25 лет казавшаяся 40-летней, властолюбию пожертвовала совестью, а темпераменту стыдом; но, достигнув власти путем постыдных интриг и кровавых преступлений, она как принцесса «великого ума и великий политик», по словам того же Куракина, нуждаясь в оправдании своего захвата, способна была внимать советам своего первого министра и «голланта», тоже человека «ума великого и любимого от всех». Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными людьми вроде Неплюева, Касогова, Змеева, Украинцева, с которыми и достиг отмеченных Куракиным правительственных успехов».

Там, в ссылке, в Пинежье, и родился на свет будущий шут Квасник – в то время еще князь, хотя и совершенно нищий, Михаил Алексеевич Голицын, родной внук Голицына Великого.

Примерно в эти же годы сначала камчатский Ермак – Владимир Владимирович Атласов, а затем и другие казачьи атаманы, доставлявшие в Москву камчатский ясак, привезли на показ и цареву потеху первых камчадалов, которые не произвели при дворе особого впечатления, так как были внешне очень похожи на привычных русскому взору калмыков, да и не жили долго – их легкие мгновенно сгнивали в сырах туманах Санкт-Петербурга. Каким-то чудом в живых осталась девочка, которой – совершенно неожиданно – суждено будет войти в историю империи. Ее пригласила Анна Иоанновна. Крестила, дав имя – Евдокия (Авдотья) Иоанновна Буженинова. Мнение о причи-

нах получения этой фамилии расходятся – то ли крестный был Бужениновым (а такие при дворе были), то ли фамилию дали как прозвище за специфический запах, идущий от камчадалки, использующей камчадалскую народную косметику, в состав которой входил жир морских зверей...

Проведя 28 лет в ссылке, князь Голицын Великий умер. Его внуки получили свободу. Михаил Алексеевич был даже отправлен за границу, где он учился в Сорбонне. Но карьеры он не сделал. Наоборот, совершил впоследствии духовное преступление – стал, уже во времена Анны Иоанновны, католиком.

Считается, что именно за это Анна Иоанновна превратила князя Голицына в шута Квасника.

Но, вероятнее всего, смена веры было только лишь поводом для праведного гнева императрицы. На самом деле все ее помыслы были направлены на то, чтобы разделаться с самим родом князей Голицыных, которые были второй по своему влиянию (после уничтоженных на корню – казненных и сосланных в Сибирь и на Камчатку – политических конкурентов из рода князей Долгоруковых) силой империи.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын возглавлял Верховный Тайный государственный Совет (введенный Александром Меншиковым, правившим страной во времена Екатерины I, и состоявший после низложения временщика практически из одних только Долгоруковых и Голицыных), который инициировал (и не впервые в истории нашего Отечества) подписание ограничительных для императорской воли «кондичий», ограничивавших царское самоуправство, в которое превратилось русское самодержавие при Петре.

Первым в истории Отечества такие ограничительные «кондичии», предоставляющие высшую власть в стране группе лиц и ограничивающие единоличную

*Член Верховного Тайного совета
Дмитрий Михайлович Голицын*

власть монарха, подписал шестнадцатилетний царь Михаил Романов (за что, вероятно, последний из оставшихся в живых всесильных братьев Голицыных и последовал потом в ссылку), но фактический царь – его отец патриарх Филарет, благополучно вернувшийся из литовского плена, – отменил все эти кондиции и единолично правил Россией сам, называя себя царем-патриархом. Романовы скрывали от истории эту часть правды воцарения их Дома и превратили за 300 лет своего царствования Россию в тюрьму народов, что и явилось в конечном итоге причиной братоубийственной гражданской войны (кстати, не единственной, если вспомнить Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева...).

Анна Иоанновна также публично разорвала подписанные ею кондиции и, расправившись с Долгоруковыми, принялась за Голицыных. Князь Дмитрий, бывший глава Верховного Тайного Совета, смерть свою встретил в Шлиссельбургской крепости, в заточении. Многие из Голицыных были тогда отстранены от высоких государственных должностей и оказались в ссылке.

А Квасник, как символ всероссийского позора рода князей Голицыных, высиживал яйца в дворцовых залах императрицы, смешил придворную публику, развлекал саму императрицу.

Деспотизм русских царей в условиях абсолютизма (как определяли меру тоталитарного самодержавия для этой эпохи) не имел никаких нравственных границ, никаких нравственных ориентиров. Не существовало внутри этого «окаянного круга» и никаких нравственных понятий. Все в стране сводилось к единому – так называемому «Слову и Делу» – действиям, поступкам и мыслям за и во имя царя. Не существовало понятия «Отечества» – Отечеством был сам Царь, не существовало ни понятия чести, ни понятия достоинство, ибо сам Царь преподавал ежедневно и ежечасно

уроки бесчестия, лишая своих подданных не только достоинства, но и самого звания человека.

Князь Петр Долгоруков в своих «Записках» дает очень мрачное представление о том времени и жизни представителей высших кругов России – повальное пьянство, всеобщее распутство, кураж, махровое взяточничество, доносительство и предательство...

Приход Анны Иоанновны, ненавидевшей все, что было связано с именем ее дяди, державшей ее в полунищенском содержании в Курляндии, мало что изменил в жизни России, более того, как остроумно заметил кто-то из историков, иностранцы посыпались на Россию, как горох из драного мешка... На российском престоле воцарился фактический муж Анны Иоанновны – обычный прибалтийский плебей Бирон. А прибалтийские бароны, которые мало чем отличались от Бирона, заняли вокруг Анны Иоанновны круговую оборону от всего русского, щедро получая чины, награды, поместья, русских рабов-крестьян...

При дворе Петра были шуты. В роли шутов у него выступали все без различия – для того и существовал Всепьянейший Собор, жестокая карикатура на все, что было связано с русским православием. Но только Анна Иоанновна при всем своем убогом уме решилась позволить себе возвести в чин придворных шутов потомков великих князей – Рюриковичей и Гедиминовичей.

Поразительно, но общественная духовная низость была настолько велика, что волю монарха не осмелились нарушить ни шуты, вынужденные высидывать куриные яйца, ни их родовитые и сановные родственники. То есть и честь, и достоинства были напроочь исключены из дворового этикета.

Наш князь не был исключением. И он был раздавлен, как червь.

И спасение пришло оттуда, откуда никто этого ожидать не мог, — пришло от любви. Конечно, для всех это было всего лишь потехой — любимая шутиха императрицы Дунька Буженинова влюбилась в Квасника. У князя Голицына к этому времени уже не было своего имени — у него была кличка Квасник: он должен был разносить гостям квас, а те, шутки ради, остатки этого напитка выливали князю на голову — это доставляло большое удовольствие императрице...

И новая потеха тоже удалась: императрица решила на невиданное — устроить свадьбу своим шутам в специально для этого выстроенном Ледяном дворце — Доме новобрачных. И она действительно удивила и поразила мир. Об этой ее затее говорят и по сей день, хотя миновало уже четверть тысячелетия...

Зрелище, конечно, было потрясающее. Специально для этой свадьбы с края света доставили партию камчадалов-земляков, а также других северных аборигенов, чтобы те на собаках, оленях и прочей живности сопровождали новобрачных, которые шествовали к своему брачному ледяному ложу на слоне. Здесь, в Ледяном Доме, супруги Голицыны должны были провести свою первую брачную ночь.

И случилось то, что и должно было случиться, — княжна Евдокия Иоанновна родила сына, названного Андреем. Вскоре императрица Анна Иоанновна почила в бозе. А ее племянница — правительница Анна Леопольдовна, малолетний сын которой Иоанн Антонович был объявлен новым императором России, запретила шутовство в России, справедливо посчитав эту придворную затею безнравственной.

История Квасника и Бужениновой вызывает у людей совершенно разные чувства. Еще один придворный шут — на этот раз поэт-академик Тредиаковский — опо-

хабил эту шутовскую свадьбу своими премерзостными виршами (он первым в истории Отечества использовал так называемую «нецензурную лексику» — то есть матерщину, чтобы понравиться императрице). Знаменитый в свое время романист Лажечников тоже ничего кроме тупого шутовства во всем этом не углядел — князь Голицын (которому он дал другое имя — Кульковский) и некая Подачкина (Буженинова) — у него всего лишь «зверьки, которые по образу их, человеки».

Историк С. Н. Шубинский написал отдельную статью «Шуты при дворе Анны Иоанновны», в которой писал о Голицыных:

«Князь Михаил Алексеевич Голицын, внук знаменитого боярина и любимца царевны Софии, Василья Васильевича, и сын пермского наместника, князя Алексея Васильевича, родился в 1679 году, за несколько дней до того, как дед и отец его, лишенные чинов и поместий, были отправлены в ссылку в Пинегу (на самом деле он родился уже в ссылке — С. В.). Когда князь Михаил Алексеевич достиг совершеннолетия, Петр Великий определил его солдатом в полевые полки, где он, на сороковом году от рождения, с трудом достиг чина майора. Потеряв в 1729 году первую жену — Марфу Максимовну, рожденную Хвостову, от которой имел сына князя Алексея, умершего бездетным в 1758 году, и дочь Елену, вышедшую замуж за графа Апраксина, Голицын испросил себе позволение ехать путешествовать за границу. Во время пребывания своего во Флоренции, он влюбился в одну итальянку низкого происхождения, женился на ней и, по ее внушению, перешел в католическую веру. По приезде в Россию, князь Михаил Алексеевич жил в Москве, тщательно скрывая от всех жену и перемену религии; но обстоятельство это скоро обнаружилось и дошло до сведения императрицы. Голи-

цын был привезен в Петербург и посажен в тайную канцелярию. По приказанию Анны Иоанновны, брак его был расторгнут, жена выслана за границу, а сам он разжалован в „пажи» и назначен придворным шутом. Несчастный не имел настолько твердости характера, чтоб предпочесть смерть позору, — и сел в лукошко у дверей того самого царского кабинета, в который родственники его гордо входили без доклада. Голицыну, в числе прочих шутовских обязанностей, было поручено подавать императрице квас, вследствие чего придворные прозвали его „квасником». Прозвищем этим он именовался даже в официальных бумагах того времени.

В числе приживалок Анны Иоанновны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особенным благоволением императрицы и носившая, в честь ее любимого блюда, фамилию „Бужениновой». Калмычка эта, уже не молодая и очень некрасивая собой, как-то в разговоре выразила Анне Иоанновне охоту выйти замуж. Посмеявшись над таким желанием, императрица спросила Буженинову, есть ли у нее в виду жених, и, получив отрицательный ответ, сказала, что берет на себя устройство ее судьбы. На другой же день Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невесту, и чтоб он готовился к свадьбе, все расходы которой ее величество принимает на свой счет. Мысль императрицы — женить шута на шутихе — встретила полное сочувствие в кругу ее приближенных. Камергер Татищев подал идею — построить для этой цели на Неве дом изо льда и обвенчать в нем молодых „курьезным образом». Немедленно была составлена, под председательством кабинет-министра Волынского, особая „маскерадная комиссия», которой поручен высший надзор и скорейшее исполнение предложения Татищева.

Комиссия избрала для постройки «Ледяного дома» место на Неве, между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Материалом при постройке служил только чистый лед; его разрубали большими плитами, клали их одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Он имел восемь сажень в длину, две с половиной в ширину и три в высоту. Кругом всей крыши тянулась сквозная галерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо, с резным фронтисписом, вело в сени, разделявшие здание на две большие комнаты; сени освещались четырьмя, а каждая комната — пятью окнами, со стеклами из тончайшего льда. Оконные и дверные косяки и простеночные пилястры были выкрашены зеленою краскою, под мрамор. За ледяными стеклами стояли, писанные на полотне, „смешные картины», освещавшиеся по ночам изнутри множеством свеч. Перед домом были расставлены шесть ледяных трехфунтовых пушек и две двухпудовые мортиры, из которых не раз стреляли. У ворот, сделанных также из льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшие из челюстей, с помощью насосов, огонь от зажженной нефти. На воротах стояли горшки с ледяными ветками и листьями. На ледяных ветках сидели ледяные птицы. По сторонам дома, на пьедесталах с фронтисписами, возвышались остроконечные, четырехугольные пирамиды. В каждом боку их было устроено по круглому окну, около которых снаружи находились размалеванные часовые доски. Внутри пирамид висели большие, бумажные, восьмиугольные фонари, разрисованные „всякими смешными фигурами». Ночью в пирамиды влезали люди, вставляли свечи в фонари и поворачивали их перед окнами, к великой потехе постоянно толпившихся здесь зрителей. Последние с любопытством теснились также около стоявшего, по правую сторону дома, ледяного слона в

натуральную величину. На слоне сидел ледяной персиянин, двое других таких же персиян стояли по сторонам. „Сей слон», рассказывает очевидец, „внутри был пуст и столь хитро сделан, что днем воду вышиною на двадцать четыре фута пускал; ночью, с великим удивлением всех зрителей, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, который голос потаенный в нем человек трубою производил».

Внутреннее убранство дома вполне соответствовало его оригинальной наружности. В одной комнате стояли: туалет, два зеркала, несколько шандалов, карманные часы, большая двухспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами). В другой комнате были: стол резной работы, два дивана, два кресла и резной поставец, в котором находилась точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. В углах этой комнаты красовались две статуи, изображавшие купидонов, а на столе стояли большие часы и лежали карты с марками. Все эти вещи, без исключения, были весьма искусно сделаны из льда и выкрашены „приличными натуральными красками»). Ледяные дрова и свечи намазывались нефтью и горели. Кроме этого, при „Ледяном доме», по русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее несколько раз топили, и охотники могли в ней париться.

По именному высочайшему повелению, к „курьезной» свадьбе Голицына с Бужениновой были доставлены в Петербург, из разных концов России, по два человека обоего пола всех племен и народов, подвластных русской государыне. Всего набралось триста человек. Маскарадная комиссия снабдила каждую пару местной народной одеждой и музыкальным инструментом.

6-го февраля 1740 года, в день, назначенный для празднества, после бракосочетания сиятельного шута, совершенного обычным порядком в церкви, разноплемен-

ные „поезжане» потянулись со сборного пункта длинным поездом. Тут были: абхазцы, остяки, мордва, чуваша, черемисы, вятчи, самоеды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество других „разноязычников и разночинцев», каждый в своем национальном костюме и с своей прекрасной половиной. Одни ехали на верблюдах, другие — на оленях, третьи — на собаках, четвертые — на волах, пятые — на козлах, шестые — на свиньях и т. д., „с принадлежащею каждому роду музыкалией и разными игрушками, в санях, сделанных наподобие зверей и рыб морских, а некоторые в образе птиц странных». Шествие открывали „молодые», красовавшиеся в большой железной клетке, поставленной на слоне.

Свадебный поезд, управляемый Волинским и Тащицевым, с музыкою и песнями, проехав мимо дворца и по всем главным улицам, остановился у манежа герцога курляндского. Здесь, на нескольких длинных столах, был приготовлен изобильный обед, за которым каждая пара имела свое народное блюдо и свой любимый напиток. Во время обеда Тредьяковский приветствовал молодых следующим стихотворением:

«Здравствуйте, женившись, дурак и дурка.
Еще... тот и фигурка!
Теперь-то прямое время нам повеселиться,
Теперь-то всячески поезжанам должно беситься.
Квасник-дурак и Буженинова...
Сошлись любовию, но любовь их гадка.
Ну, мордва, ну, чуваша, ну, самоеды!
Начните веселье, молодые деды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ах, вижу, как вы теперь рады!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,

Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
Не возможно вам иметь лучшее время:
Спрягся ханский сын, взял ханское племя.
Ханский сын. Квасник, Буженинова ханка.
Кому того не видно, кажет их осанка.
О пара! о не стара!
Не жить они станут, но зоблить сахар.
И так надлежит новобрачных приветствовать ныне
Дабы они все свое время жили в благостыне:
Спалось бы им да вралось, пилось бы да елось.
Здравствуйте ж, женившись, дурак и дурка,
Еще... тот и фигурка!»

После обеда, „разноязычные» пары плясали каждая свою национальную пляску, под свою национальную музыку. Потешное зрелище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможных зрителей. По окончании бала пестрый поезд, предшествуемый по-прежнему „молодыми», восседавшими в клетке на слоне, отправился в „Ледяной дом», который горел огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися в его прозрачных стенах и окнах; ледяные дельфины и ледяной слон метали потоки яркого пламени; „смешные» картины в пирамидах вертелись, к полному удовольствию многочисленной публики, встречавшей новобрачных громкими криками.

Молодых, с различными церемониями, уложили на ледяную постель, а к дому приставили караул, из опасения, чтоб счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсем теплое и удобное ложе...

Через девять месяцев после „курьозного» праздника императрица Анна Иоанновна скончалась, завещав, как известно, русский престол племяннику своему, принцу Брауншвейгскому, Иоанну Антоновичу. За малолетством

последнего, управление государством перешло в руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна в первый же день своего правления уволила всех шутов, наградив их приличными подарками. С этого времени официальное звание „придворного шута» уничтожилось навсегда. Хотя потом шуты и продолжали появляться при дворе, но уже под другим именем и не в шутовской одежде. В заключение нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе князя Михаила Алексеевича Голицына.

В 1741 году он удалился в Москву, где его жена-калмычка вскоре умерла. От нее он имел двух сыновей: князя Алексея, умершего холостым, и князя Андрея, женившегося на Анне Федоровне Хитрово и оставившего многочисленное потомство. В 1744 г. князь Михаил Алексеевич обвенчался, в четвертый раз, с Аграфеной Алексеевной Хвостовой и прижил с ней трех дочерей: Варвару и Елену (младшую), умерших в девицах, и Анну, вышедшую замуж за отставного поручика конной гвардии Федора Григорьевича Карина, составившего себе, в исходе прошлого столетия, некоторую известность литературными трудами. Князь Михаил Алексеевич скончался в 1778 году в глубокой старости. Тело его погребено в селе Братовщине, по дороге от Москвы в Троице-Сергиеву Лавру» (Сергей Николаевич Шубинский (2 июня (14 июня) 1834, Москва — 28 мая (10 июня) 1913, Санкт-Петербург) — русский историк, журналист, основатель и многолетний редактор журналов «Древняя и Новая Россия», «Исторический вестник», популяризатор истории и библиофил).

Единственный из многих, кто писал на эту тему, писатель Юрий Нагибин в повести «Квасник и Бу женинова» увидел в этой истории нечто совершенно

другое – сострадание и жалость к раздавленному, как червь, человеку со стороны другого столь же живого и столь же ничтожного человека, который воспринимался окружающими дворцовым миром всего лишь как диковинный зверек. Сострадание и жалость как первоисточник чувства любви. Как основа той тонкой материи, которая называется духовностью.

Мы процитируем небольшой отрывок из этой повести:

«Переворот Миниха имел следствием роспуск шуточной команды. Анна Леопольдовна, сама достаточно натерпевшаяся от вздорного нрава тетки — ее ругали и хлестали по щекам как нерадивую фрейлину, — не находила удовольствия в унижении других людей. Она разогнала болтушек и уволила с придворной службы всех шутов, щедро их наградив. Голицыну была возмещена стоимость конфискованного имения.

— Ну я и тебя отпускаю, батюшко, — сказала Авдотья Ивановна, когда благодетельствованный регентшей муж вернулся домой.

— Куда? — не понял Голицын.

— В твою новую настоящую жизнь.

— А разве у нас не настоящая жизнь? — с улыбкой спросил Голицын.

— Нет, вся наша жизнь — в шутку. Сам знаешь. С шутки началось, шутя продолжалось. А что не отверг меня, за это тебе благодарность. Я тебе не ровня и всегда это знала. Сейчас ты вольный человек, в своем достоинстве и при средствах. Наш брак вовсе не считается, раз ты другой веры.

— Чего ты?.. О чем ты?.. — бормотал растерявшийся Голицын.

— Пора тебе начать жить, как по родовитости твоей положено, а чужой злобой отнято. Ты же Голицын! И

как тебя не мытарили, как ни гнули, а сломать не смогли. Человек ты свежий, крепкий, в полном здравии. Будет у тебя и дом, и жена-ровна, и детишки. А за меня не переживай, нашего богатства и на двоих хватит.

Последних слов ее Голицын уже не слышал. Он наконец-то понял, что все это всерьез, что Авдотья Ивановна приняла решение, а он хорошо знал, как тверда она и неуступчива, если что задумала. Голицын не умел спорить, бороться, убеждать, он никогда ни в чем не мог поставить на своем, все распорядились им, как хотели: цари, министры, фавориты, военачальники, даже итальянский виноторговец и его дочка, да что там — огрызки человеческие из шутейной команды, а он умел только покоряться, молча потуплять голову. Голицын зарыдал, затопал ногами в бессильном отчаянии, стал колотить себя кулаками в грудь.

Авдотья Ивановна испугалась, что он опять выпадет из ума. Она видела его в беде, в нечеловеческом унижении, видела битым и растоптанным, видела раз за свадебным столом слезу на его щеке, но никогда не видела и даже не представляла плачущим. Этого от него никто не мог добиться.

Она должна была дать Голицыну свободу выбора. Он мог остаться с ней из благодарности или по слабости, а Авдотья Ивановна этого не хотела. Ведь она любила. Но слишком велико их нынешнее неравенство. Какая она жена князю — Буженинова, божья нелепица, камчатская оборванка рядом с Гедиминовичем, статным, пожилым красавцем, от которого за версту веет родовитостью!

— Милый, да что ты?.. Что с тобой?.. Ну, не хочешь, никуда я не уйду. Только перестань, родимый. Никуда не денется твоя Авдошка. Вот я, всегда с тобой, пока не прогонишь... Да шучу я... Твоя я, твоя, понял?.. Давай утрем слезки».

Княжна Голицына умерла, по всей видимости, при родах второго сына, который ненадолго пережил свою мать. По крайней мере, он не оставил наследников. Их оставил старший – Андрей. Двух сыновей и двух дочерей.

В этом месте я ненадолго прерву свой рассказ. Дело в том, что не каждый поверит в то, что написал Юрий Нагибин – сказка, выдумка, фантазия...

Но я (очень коротко) расскажу еще одну историю, которую и должен был рассказать в своем выступлении на конференции в Москве. Камчатский ссыльный Алексей Шубин, которого Анна Иоанновна приказала насильно женить на камчадалке, пробыл в ссылке десять лет. Потом Елизавета Петровна его отыскала и велела возвратить в столицу, где он был возведен в генеральский чин (из прапорщиков), награжден орденом святого князя Александра Невского, получил богатые поместья... Но он вернулся из ссылки вместе со своей семьей! По крайней мере мы сегодня знаем о двух его дочерях, рожденных в годы ссылки на Камчатке. Более того – удалось отыскать нынешних потомков камчадалок Шубиных, одного из которых – Сергея Юрьевича Яременко – я с большим удовольствием представил участникам конференции.

Семья – это святое! Тем более, что и Шубин, и князь Голицын стали супругами камчадалок перед Богом, будучи венчанными. И ни один из них не попытался этот брак расторгнуть. Их разлучила только ранняя смерть камчадалок. И только после этого и князь Голицын, и генерал Шубин снова женились.

Князь Андрей Голицын согласно правилам родовой верности и чести (которые все-таки существовали в России!) законно представлял старшую ветвь рода князей Голицыных, которая по понятным причинам была

самой бедной в роду, но которая вновь и вновь оставляла небывало яркие следы в истории нашего Отечества.

Я проследил историю потомков княгини Евдокии Иоанновны Голицыной до наших дней. Князей Голицыных в старшей ветви в живых не осталось – их уничтожили большевики. Но, к своему горькому сожалению, красные комиссары выпустили за рубеж человека, опаснее которого нет и уже не будет для истинной истории Великого Октябрьского переворота и красного террора. До августа 1922 года он подвергся 25 обыскам и 5 арестам. Был приговорен к смертной казни – расстрелу, замененному на 10 лет тюрьмы. Был освобожден и выслан за границу благодаря ходатайствам знаменитых революционеров – князя Петра Кропоткина (с которым находился в дальнем родстве) и Веры Фигнер. Опаснее его для большевиков уже никогда никого не будет – потому что именно этот человек первым – почти сто лет назад – раскрыл миру правду о красном терроре и большевистской победе, одержанной за немецкие марки, о расстреле царской семьи и трагической судьбе верховного правителя России. Он рассказал об этом еще в 1920-х, а мы узнали о его книгах только в 1990-х. Это был Сергей Петрович Мельгунов, историк с мировым именем, один из потомков Евдокии Иоанновны.

Он не оставил наследников по крови. Но он оставил сотни, если не тысячи наследников по духу, – людей, для кого служение своему Отечеству, особенно в годы смертельной для нее опасности, когда происходит духовная гибель нации, – дело чести и совести. И он до конца дней своих боролся с большевизмом – тем же бесовским крошечным злом, что и Опричный террор, которым так открыто восторгался Иосиф Виссарионович Сталин, строя, как и другой Антихрист – Петр I,

красную империю на костях своих подданных. То есть, не подозревая о своем родовом предназначении, Сергей Петрович выполнял в своем Отечестве ту же миссию, что некогда выполняли и его предки, боровшиеся с Антихристом и кромешниками за высочайшие нравственные православные идеалы, касающиеся духовной свободы личности.

И еще об одном из потомков княгини Евдокии Иоанновны Голицыной хотел бы я здесь вспомнить. Ольга Сергеевна Муравьева — она чуть старше меня, то есть мой уже современник — работает в Пушкинском Доме, кандидат филологических наук, автор книги, название которой говорит само за себя: «Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям». Суть книги — раскрытие все тех же высоких понятий истинного служения своему Отечеству, своему народу, национальным духовным идеалам.

Что подвигло Ольгу Сергеевну на этот мужественный гражданский поступок утверждения высоких идеалов в стране, которая еще недавно эти самые идеалы отвергала как нечто враждебное, скверное, противостественное, чуждое?

Лучше, чем она сама, никто, наверное, не ответит на это вопрос. Поэтому ей слово:

«Отношение современного общества к дворянской жизни прошлого века порой вызывает иронические реплики, смысл которых сводится к тому, что подавляющее большинство сегодняшних ревнителей дворянских обычаев составляют потомки вовсе не князей и графов, а крепостных крестьян. Позиция не только бестактная, но и неумная: стихи Пушкина и романы Тургенева читал очень узкий круг людей, исчерпывавший тогда образованную Россию, но великие русские писатели знали,

что пишут не только для них, но и для внуков тех, кто «ныне дик». То же можно сказать и о выработанных привилегированным сословием нравственных нормах. Пушкин рассуждал: «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *sauve garde* (охрана — фр.) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества». Известный юрист, историк и общественный деятель К. Д. Кавелин считал, что поколение людей Александровской эпохи «всегда будет служить ярким образцом того, какие люди могут вырабатываться в России при благоприятных обстоятельствах». Можно сказать, что в дворянской среде развивались и совершенствовались те качества русского человека, которые в идеале должны были со временем проникнуть и в ту среду, где пока «некогда было их развивать». Опыт европейских стран, надежда на успехи просвещения и цивилизации в России, наконец, простое сочувствие к обездоленным соотечественникам — все питало веру в то, что в будущем постепенно сгладится неравенство разных слоев русского общества и дворянская культура во всем ее объеме (от произведений искусства до хороших манер) станет достоянием всех сословий, будет общим законным наследством свободных и просвещенных граждан России XX века... К несчастью, русская история пошла совсем другим, трагическим и кровавым путем; естественная культурная эволюция была прервана, и теперь можно только гадать, каковы были бы ее результаты. Быт, стиль отношений, неписанные правила поведения оказались едва ли не самым хрупким материалом; его

нельзя было укрывать в музеях и библиотеках, а сохранить в практике реальной жизни оказалось невозможным. Попытки вернуть утраченное путем обучения «хорошим манерам» не могут принести желаемого результата. В «Повести о Сонечке» М. Цветаевой молодой актер размышляет об уроках «хорошего тона», которые давал ученикам театральной студии А. А. Стахович: «Для меня его поклон и бонтон – не ответ, а вопрос, вопрос современности – прошлому, мой вопрос – тем, и я сам пытаюсь на него ответить. (...) Стаховичу эти поклоны даны были отродясь, это был дар его предков – ему в колыбель. Я пришел в мир – голый, но хоть и голый, я не должен бессмысленно одеваться в чужое, хотя бы прекрасное платье». Чтобы это «прекрасное платье» – привлекательные внешние черты быта и облика дворянства – стало пусть не своим, но, по крайней мере, понятным и знакомым, необходимо представлять себе и этический смысл этикетных норм, и исторический контекст, в котором эти нормы формировались. Попытаемся же если не восстановить, то вспомнить некоторые черты исчезнувшего общества».

Ольга Сергеевна родилась в советское время – она не жила в том времени, о котором написала книгу. Но что привело ее в другую эпоху? Наверно, поиск утраченных идеалов. Суть ведь не в дворянстве – можно, как князь Петр Долгоруков, написать книгу о русских аристократах совершенно противоположного характера. Дело в другом – в поисках образцов для понимания самых простых вещей, связанных с пробуждением в русской нации ее первородного духовного начала – сотворения добра и того комплекса его составляющих, без которых добро существовать не может, в том числе и чести, совести и высокого человеческого достоинства...

Добро и зло – это ведь как полюсы у магнита, без которых его и не существует. Также и жизнь, полюсами которой являются добро и зло, не существует вне этих понятий. И борьба нестяжателей с иосифлянами вечна, потому что всегда духовное и материальное будут составлять противоположные по своему значению заряды полюса жизни, вне существования которых эта жизнь не может наполняться конкретным содержанием.

Знакомясь с многочисленными «житиями» святой блаженной Матроны Московской, я обратил внимание на ее оценку уничтожения православных храмов. Ее спрашивают: «Как же Господь допустил подобное?». И вот очень четкий в своей простоте и значимости ответ: а зачем нужны храмы, если в них некому будет ходить?

То есть в нашей жизни все взаимосвязано – мы сами разрушаем свои духовные храмы, теряя Веру. Веру в Бога, веру в Добро, веру в Любовь, веру в Человека.

И обращение Ольги Сергеевны Муравьевой к дворянству, которое ко времени Великого Октябрьского государственного переворота уже, казалось бы, изжило себя, – это поиск ответов на те вопросы, которые волнуют нас всех сегодня, когда мы думаем о современном нравственном здоровье русской нации – как коренной нации многоплеменной России.

И в этом отношении гражданский подвиг Ольги Муравьевой по глубинной сути своей сродни нравственному подвигу святой блаженной Матроны Московской.

Но мы продолжим наш рассказ.

Князь Андрей Михайлович Голицын, сын Авдотьи Бужениновой, «...служил во флоте, заведывал пограничными крепостями в Сибири, вышел в отставку с награждением чина Майора», был женат на Анне Фаддеевне Хитрово. Как мы уже говорили, у них было четверо детей – два сына и две дочери.

Нас интересует сейчас княжна Елизавета Андреевна Голицына (родилась 17 мая 1766 года), которая вышла замуж за Александра Васильевича Грушецкого — коллежского асессора, владельца (по данным ревизской сказки 1811 г.) села Богослово в Епифановском уезде Тульской губернии.

Грушецкие не были захудалым дворянским родом. Напротив — это были известные польские дворяне, владельцы поместья Великие и Малые Груши под Люблином, которое даровал им король Владислав Ягайло около 1411 года в награду за рыцарские заслуги коронного хорунжего Матвея (Maciej).

Родоначальником русского дворянского рода Грушецких стал Карп Евстафьевич Грушецкий, коронный хорунжий, который поступил на службу к царю Феодору Иоанновичу (1584–1598 гг.) и получил многие деревни и села в Кашинском уезде под Москвой.

Сын его, Илья Карпович Грушецкий, за осадное Московское сидение в 1610 году (7118) жалован грамотой и был назначен воеводой на Бело-озеро.

Но по-настоящему прославился этот род, когда дочь Семена Федоровича Грушецкого — Агафья — стала русской царицей, выйдя замуж за царя Федора Алексеича — старшего брата императора Петра I.

Правда, приобретя всероссийскую славу, род не извлек в результате этого брачного союза практически никаких выгод, как те же Стрешневы, Апраксины либо Салтыковы, которые были в фаворе и до, и после Петра.

Вот что пишет по этому поводу в своих «Записках» князь Петр Долгоруков: «...Я только что назвал имя Грушецких. Эта семья, угасшая в 1839 году (? — С. В.), была в свойстве с императорским домом: царь Федор III, у которого не могло быть детей, 18 июля 1680 года женился на Агафье Семеновне Грушецкой; она забеременела от

одного из придворных и 11 июля 1681 года родила сына, нареченного Ильей и ставшего вероятным наследником короны. Через три дня после родов царица умерла, а 21 числа того же месяца умер и новорожденный Илья. В январе следующего года Федор женился на Марфе Апраксиной, но эта женщина тщательно хранила свою девственность среди придворных сетей, расставленных вокруг молодой, красивой и здоровой женщины. Поэтому Петр I проявлял самое большое уважение к своей невестке Марфе и выказывал благорасположение ко всем Апраксиным, братьям царицы, тогда как, будучи мстительным, он так и не простил Грушецким «ошибку в правописании» (как это называла одна остроумная женщина, покойная маркиза де Вильро, урожденная графиня Апраксина), свершенную царицей Агафьей, каковая «ошибка в правописании» едва не лишила его российской короны. У этой царицы не было братьев, а только старшая сестра, бывшая замужем за дворянином из хорошей семьи Зыбиных, но уже вдовевшая к тому моменту, когда младшая выходила замуж (речь о Фекле, которая во втором браке была за князем Федором Никитичем Урусовым — от этого брака родилась дочь — княжна Мария Федоровна Урусова, которая была замужем с 1720 г. за Борисом Ивановичем Куракиным, сподвижником Петра I и личным врагом Василия Васильевича Голицына Великого. Но была еще сестра Анна Семеновна, которая была замужем за царевичем Сибирским Василием Алексеевичем, как сообщает И. Ж. Рындин – С.В.). У царицы Агафьи были дядья и кузены, к которым Петр I постоянно проявлял откровенную недоброжелательность, а эта царская немилость помешала Грушецким достигнуть того высокого социального положения, которого достигали другие семьи, породнившиеся с императорским домом».

Но есть и другая история, рассказанная Людмилой Коншиной:

«После царской свадьбы царь жаловал родню своей супруги чинами и имениями. Так, двоюродный дядя Агафьи со стороны матери Семен Заборовский попал в число думных дворян, с 20 июля — боярин. В 1681 году царь подарил ему село Васильевское (Рузский район Московской области). Родные сестры Агафьи, Анна и Фекла, были выданы за знатных женихов: первая за сибирского царевича Василия, вторая стала княгиней Урусовой; к то же они получили и щедрое приданое. Двоюродные братья Грушецкие, Кондратий и Михайло Фокичи, получили боярский чин «жилецов», младший чин при дворе. 2 мая 1680 года, еще до свадьбы, Федор Алексеевич пожаловал двоюродного брата будущей царицы Василия Фокича Грушецкого в стряпчие. 17 июля, за день до свадьбы Василий Федорович Грушецкий был пожалован в стольники, а 20 июля — в спальники, пробыв в стольниках только три дня. 31 июля ее двоюродных братьев Кузьму Осиповича, Кондратия и Михаила Фокичей, царь сделал своими комнатными стольниками. Отец царицы, Семен Федорович, получил в 1680 году чин боярина (хотя в некоторых источниках указано, что он умер в 1669 г., что, скорее всего, неверно). Матери Агафьи, боярыне Марии Ивановне Грушецкой (в девичестве Заборовской), было пожаловано село Васильевское с Ордынцами, Борисовской, Быковкой и Бяконтовым (Подольский район Московской области). Новые царские родственники и свойственники сразу заняли привилегированное положение среди московских чинов. Грушецкие и Заборовские, а также их близкая и дальняя родня большим кланом вошли в состав верхов столичного дворянства.

После свадьбы царь занялся возведением новых деревянных хором как для себя и своей супруги, так и для своих сестер, бульших и меньших царевен. Царские хоромы были построены возле терема у западной стены Воскресенской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы его мачехи Натальи Кирилловны.

Царица Агафья Семеновна, в отличие от своих многих предшественниц, играла значительную роль в придворной жизни и оказывала сильное влияние на мужа. Под ее влиянием значительно изменился и придворный быт. Так, царь Федор Алексеевич первым из русских надел польское платье, чему последовали и все придворные, он отменил обычай брить голову и начал носить длинные волосы. Историк И. И. Голиков (1735–1801) писал: «Царь не любил пышности ни в платье, ни в столе, ни в уборах. Сию экономию поддерживал монарх повелением не носить татарского платья и приказал ходить в подобном польскому или древнем российском, северному климату свойственном».

Появились многие новшества и в царских палатах. Так, многие придворные, включая и важных пожилых бояр, стали подстригать свои бороды и в открытую курить табак. Некоторые из бояр, кроме этого, стали надевать короткополое немецкое платье.

Агафья Грушецкая принесла Московскому государству много добра, она «уговорила мужа уничтожить охабни, безобразные женские платья... ввести бритье бород и стрижку волос, польские сабли и кунтуши и, что еще важнее, допустить в Москве закладку польских и латинских школ». Воины наконец-то перестали носить позорные женские охабни, которые должны были носить ратные люди, бежавшие с поля боя.

В Москве, по настоянию молодой царицы, было заложено несколько латинских и польских школ, что гово-

рило и об ее просветительской деятельности и влиянии. Также, благодаря влиянию Агафьи Семеновны было велено убрать из церквей иконы, которые ставили в своих храмах прихожане, каждый лично для себя, как своих богов-патронов (этим иконам молились и ставили свечку только они, другим же никому не позволяли).

Молодая царица, благодаря ее более свободному, чем было принято тогда в Москве, воспитанию, отличалась и редкой смелостью для своего времени. Она позволяла себе открыто появляться перед людьми и часто восседала и ходила рядом с царем, чего никогда не бывало прежде. Наличие у нее решительного характера, по мнению историка П. В. Седова, позволило ей перешагнуть вековые запреты московского двора. Присутствие царицы Агафьи Семеновны рядом с царем Федором Алексеевичем меняло устоявшийся привычный уклад придворной жизни того времени.

Однако все эти нововведения, судя по всему, не могли не вызвать в Москве и появления некоторых слухов, сплетен и интриг. В городе стали появляться разговоры о намерении царя принять «польскую (ляцкую) веру», вспомнили тут и Дмитрия-Самозванца и его жену, полячку Марину Мнишек. По мнению историка Д. Л. Мордовцева (1830—1905), всеми этими интригами не могла не руководить властная и честолюбивая царевна Софья Алексеевна, сестра Федора Алексеевича.

Кроме нововведений при дворе, царица Агафья совершила для того времени и переворот в женской придворной моде, она и сама носила шапку по польской моде, оставлявшую волосы открытыми, что выходило за рамки московских обычаев того времени. Эти шапочки даже получили название «польские шапочки». Это были бархатные шапочки с меховыми отворотами из куницы, бобра и соболя. Под самую шапочку надева-

ли рантух (традиционный польский женский головной убор, который представляет из себя большое покрывало из легкой тонкой ткани, покрывающее голову и плечи). Края польского рантуха отделывали вышивкой или золотым шитьем. Рантух надежно закрывал волосы, а у девушек они могли быть слегка прикрыты. Польские придворные дамы второй половины XVII века уже оставляли волосы открытыми. Однако в дворцовых московских документах того времени сведения о материалах для рантуха отсутствуют, из чего, по мнению историка П. В. Седова, можно предположить, что царица не закрывала волосы полностью, а убирала их кружевом, по причине чего в московских документах такие шапки именовались еще иногда «девическими».

Первое упоминание о таких «польских шапочках» Агафьи относится к 19 сентября 1680 года. Во дворце в этот день отмечались именины царевны Софьи Алексеевны, и для Агафьи Семеновны была пошита «шапка бархат на полское дело, на окол пара соболей <...>, в кроенье вышло бархоту два вершка, на испод четверть полы хребтов белых. Взять делать Новомещанской слободы поляк Семен Васильев сын Карешенков. Ему ж дано делать и другая шапка бархот ал же, на окол соболь <...>, круживо серебряного аршин». Уже на следующий же день, 20 сентября, для самых больших модниц в царском тереме, молодых царевен Екатерины и Марии, также были пошиты «польские шапочки», что следовало из того, что новый головной убор царицы имел успех на дворцовом празднестве.

Царевна Мария Алексеевна также одевалась «по-польски», а царевна Екатерина Алексеевна и после смерти царя Федора Алексеевича носила «шапку и платье в польском вкусе... забросила московские кафтаны, перестала заплетать волосы в одну косу». Также

и Феодосия и Марфа Алексеевны продолжили носить «польские шапочки». Как и вторая жена царя Федора Алексеевича, шестнадцатилетняя Марфа Матвеевна Апраксина, на которой царь женился после смерти Агафьи Семеновны, также увлеклась новой модой. Свидетелем всех этих нововведений был, конечно же, и Петр I, будущий Император Всероссийский, которому на момент царствования Агафьи Семеновны было уже 9 лет. Молодой царице он приходился деверем (брат ее мужа). Нельзя исключать и такую вероятность, что она могла оказать некоторое влияние и на его увлечение модой на все европейское, хотя это, конечно же, только предположение.

Историк Седов характеризует Агафью Грушецкую как благочестивую московскую царицу, полную добродетелей, милостивую и ходатайствующую перед царем даже за своих недоброжелателей. Помимо факта прощения и заступничества Агафьи за клеветавшего на нее Ивана Милославского, о ее добродетели говорит еще один факт — в те времена Богдан Федорович Полибин, сидевший в Холопьем приказе (позже — приказной судьей), человек правдивый и почитаемый людьми, но которого также не любил Милославский, имея крайнюю нужду, занял 300 рублей, заложив деревню, однако не смог вовремя вернуть весь долг. Подьячий его приказа советовал Полибину взять недостающую сумму денег из приказа, а по времени выплатить. Об этом донесли Милославскому, который государю донес, что судья Полибин украл из казны денег 300 рублей. Федор Алексеевич сначала поверил этому, и велел наказать того и сослать. Государыня, услышав это, спросила у Милославского, для чего и как он то учинил, на что тот отвечал, что не спрашивал, как было все дело. На это ему государыня с гневом выговаривала, что он осу-

ждает человека без суда и, не ведая подлинно дела, государю доносит. Царица велела расследовать все дело, подробнее узнала о Полибине, и, узнав все в деталях, послала с Иваном Потемкиным 300 рублей. Агафья Семеновна, кроме того, что избавила Полибина от беды, она же его еще и щедро наградила.

Во время царствования Агафьи Грушецкой появилось еще некоторое новшество — царевны получили некоторую финансовую самостоятельность. Если раньше в комнаты царевен приносили товары, купленные ими или взятые в кредит приказом мастерской палаты, то теперь царевны могли сами распоряжаться купить для себя ту или иную вещь, повелевая оплатить покупку в приказе.

В ночь с воскресенья на понедельник 11 (21) июля 1681 года царица родила сына, названного Ильей, в честь своего прадеда Ильи Даниловича Милославского. 17 июля Илью крестили в теремной дворцовой церкви. Крестным отцом царевича был приглашен игумен Флорищевой пустыни Иларион, восприемницей (крестная мать) была царевна Татьяна Михайловна. Наследника поручили заботам боярыни Анны Петровны Хитрово, которая заботилась и о самом царе с его детских лет.

Однако через три дня после рождения младенца 14 (24) июля «часу дня в первой четверти, на память апостола Акилы», по причине родильной горячки, Агафья Семеновна скончалась. Ее кончина стала тяжелым ударом для Федора Алексеевича: он проводил гроб до Красного крыльца и до «саней», но был не в состоянии присутствовать на самом погребении в Вознесенском монастыре, и в течение всего сорокоуста не было выхода к панихидам; только в сороковой день, 22 августа (1 сентября), царь слушал панихиду в Вознесенском монастыре. Историк В. Н. Татищев писал, что после смерти Агафьи Семеновны царь Федор Алексеевич:

«Как сей государь супружеством своим с царицею Агафиею Семионовною в полном веселии крайнюю любовь одарены были и образом супружеской любви истинную добродетель на себе изъясляли, которое ко увеселению как их величеств, так и всех подданных знаком чреватства великую надежду к желаемому наследию подало. Но соизволением высшего, родя его величество царевича, вскоре к великой всех печали преставилась, и по ней вскоре оный новорожденный царевич воспоследовал. Которым его величество настолько опечалился, что несколько дней ни с кем говорить и брашна употреблять не хотел. И хотя ближние его всеми мерами о увеселении его прилежали, но ничего учинить не могли, и его величество от такой печали вскоре заболел».

К несчастью, и младенец смог пережить свою мать только на неделю. Новорожденный царевич Илья Федорович скончался 21 (31) июля. Опечаленный царь его также смог проводить только до Красного крыльца и до саней и не пошел в Архангельский собор на погребение.

Через полгода после этих потерь царь женился на Марфе Матвеевне Апраксиной (род. в 1664 году), но через два месяца после свадьбы государь скоропостижно скончался в Москве на 21-м году жизни, так и не оставив наследника. А через год после смерти его первенца, Ильи, на российский престол взошел Петр I, провозглашенный в 1682 году в возрасте 10 лет Царем всея Руси. Позже, в 1692 году, Петр I похоронил своего второго сына, Александра Петровича, рядом с малолетним царевичем Ильей Федоровичем.

В 1929 году Вознесенский монастырь, служивший в средние века местом погребения представительниц московского великокняжеского рода и в котором была погребена Агафья Семеновна, был разрушен большевиками, а белокаменные саркофаги с останками цариц

вывезены в подземную палату южной пристройки Архангельского собора, где они находятся и по сей день. На крышке саркофага царицы значится надпись:

«Лета 7189 июля в 14 день в четверток в 14 часу дня в первой четверти на память святого апостола Акильи преставись раба божия благоверного государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца супруга благоверная государыня царица и великая княгиня Агафья Симеоновна погребена на сем месте июля в 15 день».

Во время исследования захоронения царицы Агафьи Семеновны Грушецкой исследователи поздних саркофагов некрополя бывшего Вознесенского собора Кремля, который служил родовой усыпальницей великих князей и первых царей России (сначала из рода Рюриковичей, а потом Романовых), обнаружили, к большому удивлению, на скелете, на груди под одеждой золотой наперсный крестик, украшенный цветной эмалью и надписями, — в более ранних погребениях этой усыпальницы такие кресты не встречались. Само тело царицы при захоронении было завернуто в шелковый саван. Прекрасно сохранился ее головной убор — волосник на подкладке. Однако от савана и платья Агафьи Грушецкой сохранились лишь незначительные фрагменты, что, тем не менее, не помешало исследователям восстановить рисунок савана.

Первым из известных историков, давшим описание жизни Агафьи Семеновны Грушецкой, был Василий Никитич Татищев (1686 — 1750). Его отец, Никита Алексеевич, с 1678 года числился в государственной службе московским «жилецом», что было в годы царствования Агафьи Семеновны. Информацию о придворных деятелях конца XVII века, в том числе и об Агафье Грушецкой, Татищеву предоставил известный дипломат, свояк Петра I, Борис Иванович Куракин, который,

кроме всего прочего, был женат на племяннице царицы Агафьи Грушецкой — княгине Марии Федоровне Урусовой (дочь кн. Федора Семеновича Урусова и княгини Феклы Семеновны Грушецкой (родная сестра царицы Агафьи Грушецкой)). В трудах Татищева описывается период со времени знакомства девушки с царем, до самых последних ее дней. Записи о ней в труде Татищева «История Российская» есть в томах I и VII».

Князь Долгоруков почему-то не учитывал в своих «Записках» и «Русской родословной книге» ту ветвь Грушецких, которая шла по линии дяди царицы — Осипа Федоровича.

А она не была такой уж совсем бесславной, чтобы ее не заметить:

У Федора Ильича, единственного сына Ильи Карповича Грушецкого, было трое сыновей — Осип, Семен (отец царицы Агафьи) и Фока.

Двоюродный брат царицы Кузьма Осипович, царский стольник, воевода в Вятке, стал родоначальником старшей ветви Грушецких. Он был женат на Евдокии Никифоровне Вотוליной (Вотוליны, Ваталины и Ватолины — русский дворянский род, восходящий к середине XVI века и владевший в XVII веке поместьями в уездах Звенигородском, Московском и Кашинском. Никто из Ваталиных ни в XVIII, ни в XIX веках в дворянстве не утверждался). У него был единственный сын — Иван Кузьмич.

Иван Кузьмич был женат на Анне Афанасьевне — дочери угличского воеводы Афанасия Шубинского, родоначальника угличских и кашинских дворян Шубинских (село Болотово в Угличском уезде и село Богоявленское в Кашинском уезде), который, как и Грушецкие, происходил из польского шляхетского рода Szubinski (герб Налеч). К этому роду принадлежит и Николай

Петрович Шубинский (3.10.1853 – 1921) – депутат Государственной Думы III и IV созывов. Знаменитый в свое время адвокат и кандидат права. Владел имением в Тверской губернии Корчевского уезда (с. Городище, д. Ратмино и д. Козлаки). Женой его была знаменитая актриса Малого театра Мария Николаевна Ермолова.

Из этого же рода и историк Сергей Николаевич Шубинский, автор той самой статьи «Шуты при дворе Анны Иоанновны», которую мы цитировали.

У Ивана Кузьмича Грушецкого и Анны Афанасьевны Шубинской было двое сыновей: Сергей Иванович, полковник, женатый на Анне Матвеевне Воейковой – родной сестре первой жены Льва Александровича Пушкина (дедушки Александра Сергеевича Пушкина), и Никита Иванович.

Сын Никиты Ивановича – Василий Никитич Грушецкий (1717–1787) был женат на Надежде Ивановне Вихляевой (1727–1811) и был дедушкой потомков княжны Евдокии Ивановны Голицыной в новой фамильной ветви Грушецких.

Но сначала о семье Василия Никитича: после его смерти осталось шестеро детей, и Надежда Ивановна Грушецкая выходит замуж во второй раз.

Ее новым избранником оказался князь Иван Федорович Голицын (1731–1797) из многочисленной и благополучной ветви потомков Алексея Андреевича Голицына.

Иван Федорович был капитан-поручиком гвардейского Преображенского полка, генерал-адъютантом императора Петра III. В 1763 году, когда к власти пришли убийцы императора, вынужден был выйти в отставку в чине генерал-майора, но при восшествии на престол Павла I император произвел его «в знак признательности за верность памяти его отца» в генералы

Сергей Николаевич Шубинский

Надежда Ивановна Вихляева

Иван Федорович Голицын

от инфантерии (1796) и кавалеры ордена Св. Анны I степени.

Но и этот служебный век оказался очень коротким – в 1801 году «кромешники новой волны» убили и императора Павла...

Своих детей у генерала не было, но о судьбе детей В. Н. Грушецкого он заботился так, как будто это были его собственные дети.

Дети Василия Никитича Грушецкого:

Александр Васильевич (р. 1746, ум. ?) – майор.

Жена – княжна Елизавета Андреевна Голицына (р. 17.05.1767). Ему в наследство Иван Федорович оставил село Богослово в Епифановском уезде Тульской губернии с господским деревянным домом. Да и сам брачный выбор для жениха был осуществлен, вероятно, не без участия Ивана Федоровича.

Мария Васильевна (р. 1747, ум. 14.02.1827) – получила в наследство село Даниловское с богатым имением. *Муж* – суворовский бригадир Николай Петрович Поливанов.

Елизавета Васильевна (р. ?, ум. 23.07.1821). *Муж* – Михаил Васильевич Матюшкин (ум. 23.07.1821).

Екатерина Васильевна (р. 1748, ум. до 1826). *Муж* – Павел Николаевич Бестужев-Рюмин (р. 1760, ум. 1826). Их сыновья: Михаил (р. 23.05.1801, ум. 1826) (декабрист, был повешен в числе пяти казненных лидеров восстания декабристов 13 июля 1826 года) и Николай Павловичи Бестужевы-Рюмины.

Павел Васильевич (р. 1755, ум. ?) – майор. *Жена* – Екатерина Васильевна Аргамакова. (Некоторые подробности: дочь Михаила Фокича Грушецкого (имя не указано) вышла замуж за адмирала графа Василия Афанасьевича Дмитриева-Мамонова (ум. 1793). От этого брака дети: Матвей (р. 1724, ум. 1810), сенатор, тайный советник, президент Вотчинной коллегии, Елена

(р. 1716, ум. ок. 1744) и Екатерина. Елена Васильевна замужем за бароном Александром Григорьевичем Строгановым (р. 02.11.1698, ум. 07.11.1754). Екатерина Васильевна вышла замуж за Ивана Андреевича Фонвизина, их дети: Денис Иванович Фонвизин (р. 1743/1745, ум. 1792) – легендарный драматург, Павел Иванович (ум. 1803) – директор Московского университета (1784–1796), и Феодосия Ивановна, которая вышла замуж за премьер-майора Василия Алексеевича Аргамакова, сына Алексея Михайловича Аргамакова (р. 1711, ум. 1757) – первого директора Московского университета (1755–1757). Его дочь и была женой Павла Васильевича, а ее брат – полковник лейб-гвардии Преображенского полка Александр Васильевич Аргамаков (1776-1833) был участником дворцового переворота 11 марта 1801 года, в результате которого был свергнут император Павел I».

Михаил Васильевич (р. июнь 1787, ум. ?) – гвардии поручик (ему в наследство досталось имение отца Василия Никитича в Тверской области – село Байково).

Анна Александровна Грушецкая (1794–1823), дочь Александра Васильевича Грушецкого, который получил в наследство от своего отчима Ивана Федоровича Голицына село Богослово, вышла замуж за Александра Николаевича Янькова (24 августа 1791 – 30 августа 1831). На протяжении почти всей своей истории Богослово относилось к тульским землям. По административному делению оно входило в состав Петрушинской волости Епифанского уезда Тульской губернии и всегда было вотчиной. В начале XX века село делилось на три части: Яньковку, Нарышкино и Влетовку.

Благодаря чудесной книге «Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово», фактическим автором которых была Елизавета Петровна Римская-Корсакова, вышедшая замуж за Дмитрия Александровича Янько-

ва, мы узнаем некоторые подробности о судьбе Анны Александровны, ее мужа и ее детей.

Начнем со скорбных: «В последних числах того же месяца (апреля 1823 года – С. В.) овдовел старший сын моего деверя Янькова, Александр Николаевич. Он был женат на Анне Александровне Грушецкой; ее мать была по себе княжна Голицына, звали Елизаветой Андреевной, ей в честь и была названа дочь Яньковых Лизанька, которая потом вышла за Выропаева. Кроме дочери осталось еще пять сыновей: Сергей, Николай, Павел, Дмитрий и Петр. Добрая была и хорошая женщина. Так как они жили у Покрова в Левшине, то ее там и отпевали, а схоронили в Новодевичьем монастыре.

Мой деверь и невестка очень жалели о своей снохе».

«...в 1831 году, 30 августа, в самый день своих именин и в день, назначенный для свадьбы, скоропостижно умер родной племянник моего мужа Александр Николаевич Яньков. Он был вдовец; жена его Анна Александровна, по себе Грушецкая, умерла еще в 1823 году, оставив шестерых детей. Он очень об своей жене горевал, но был человек еще молодой, вдовым оставаться не хотел и задумал опять жениться. Он вздумал было метить на Грушеньку и чрез брата графа Петра Степановича узнавал, пойдет ли она за него, ежели бы он сделал ей предложение. Она ему нравилась, но к нему она не имела никакого, кроме родственного, расположения, а так как он был ей двоюродным братом, то предлогов для отказа искать было нечего, потому он и не просил руки формально. Знаю, что и деверь мой и невестка этого желали, только мы находили, что брак в таких близких степенях родства, не положенный и по церковному уставу, невозможен, и отклонили его от этого намерения.

Яньков недолго думал и приискал себе невесту, очень хорошую и милую девушку Ушакову. Назначен был

день свадьбы, я должна была быть посаженою матерью, и в самый день венчания поутру я совсем уже была готова ехать, только поджидала, чтобы Грушенька и Клеопатра оделись и сошли вниз. Вдруг присылают меня известить, что жених умер: он собрался ехать в церковь, стал одеваться и хотел умыться, зашатался, упал — и дух вон.

Это меня ужасно поразило; но каково же было поражение бедной невесты? Оделась она, ждет, что шафер приедет известить, что жених в церкви, и вместо того шафер точно приехал, но чтоб известить, что жених — покойник. Все, что было приготовлено для свадебного пира, пошло потом на похоронные поминки. Вечером в день свадьбы я поехала к жениху на панихиду; схоронили его в Новодевичьем монастыре, где схоронены были его жена и отец. Он родился 24 августа 1791 года, и ему, следовательно, только что минуло сорок лет; он женился, будучи очень еще молод, и старшие его дети, девочка и два мальчика, были уже порядочные, а меньшому, Петруше, было лет девять или десять».

Семья Янковых:

Николай Александрович Янков (1763–1830), с. Петрово

Ж. Федосья Епафродитовна Станкевич

Сестры: Анна Александровна Янкова (1750–1813) и Клеопатра Александровна Янкова (1752–1774)

Брат: Дмитрий Александрович Янков (28.08.1761 – 1.04.1816), воспитывался в Шляхетском корпусе вместе с графом А. Г. Бобринским, сыном императрицы Екатерины II и Григория Орлова.

Ж. Елизавета Петровна Римская-Корсакова (24.03.1768 – 3.03.1861)

Елизавета Петровна Римская-Корсакова хорошо знала и историю семьи, с которой породнилась:

«К числу наших родных, не очень близких, принадлежало и семейство Яньковых, живших в Москве. Они доводились нам родственники по Татищевым, именно: отец моего прадеда Василия Никитича, Никита Алексеевич, имел еще брата Федора Алексеевича, бывшего комнатным стольником царицы Параскевы Федоровны, невестки Петра I; 1 сын Федора Алексеевича Иван Федорович, двоюродный брат моего прадеда, был женат на Степаниде Алексеевне Новосильцевой и имел сына Семена Ивановича и двух дочерей, Анну Ивановну и Марию Ивановну, которые доводились, стало быть, бабушке Евпраксии Васильевне троюродными, что по нашим понятиям о родстве считалось еще не очень дальним родством. Василий Никитич с Иваном Федоровичем был дружен, и когда он служил в Сибири при горных заводах и был губернатором в Оренбурге, то присылывал ему разные гостинцы: персидские ковры, китайскую посуду и тому подобное; многое из этого и я еще застала. Бабушка считалась родством с его детьми. Вот старшая-то дочь Ивана Федоровича и вышла замуж за Александра Даниловича Янькова. Яньковы были родом из Македонии, откуда их предок выехал от турецкого утеснения и поселился в Польше. Их было несколько братьев: один остался в Польше и назывался Яньковский, другой брат ушел в Венгрию и стал писаться Янькович, а двое из них, Иван Васильевич и Федор Васильевич, прибыли в Россию при царе Федоре Алексеевиче. Федор был очень ученый человек и потому был принят в московскую Славяно-греко-латинскую академию и, постригшись, стал называться Феодосием Яньковским. Он был потом при Петре I новгородским архиереем, короновал Екатерину I, был членом Синода, и ежели бы Прокопович не повредил ему, может быть,

Елизавета Петровна Янкова

он был бы и митрополитом, после Яворского. Но Феофан, который сам, кажется, метил на это место, опасался его, подыскивался под него, перетолковывал его слова и действия не в его пользу, наводил императрицу Екатерину I на гнев и добился наконец, что его лишили архиерейства и даже монашества и сослали куда-то в Архангельск, в монастырь.

Брат его Иван Васильевич имел сына Даниила, который поступил при Петре I в военную службу и начал называться в отличие от других своих родственников Яньковым. Он был женат на Дмитриевой [* Ее мать, Евдокия Никифоровна Бартенева, дочь Никифора Ивановича, была замужем два раза: 1) за Иваном Юлиевичем Дмитриевым (дочь Анна), 2) за Василием Ивановичем Горским (сын Василий). У Никифора Ивановича был еще сын в иночестве Иоиль. Сестра Никифора Ивановича Дарья была за Иаковом Кошелевым; двое детей: сын Дмитрий, дочь Ирина, за Константином Дмитриевичем Есауловым, три сына: Давид, Иосиф, Федор.] Анне Ивановне, служил при дворе императрицы Анны: сперва помощником гоф-интенданта, строил Анненгофский дворец, за что был пожалован в майоры и потом сделан гоф-интендантом, и, несмотря на опасное положение при дворе в то время, когда ужасный любимец Анны Иоанновны Бирон делал, что хотел, он, однако, удержался на своем месте до конца жизни, скончался в Петербурге в 1738 году и был положен в Александро-Невском монастыре. Ему особенно покровительствовал граф Федор Матвеевич Апраксин, который в свое время был сильным человеком (его дочь Марфа была второй, после Грушецкой, женой царя Феодора, а его внук – Алексей Петрович Апраксин был зятем Михаила Алексеевича Квасника Голицына и тоже, как и тесть, был придворным шутом за то, что, как и тесть, принял католичество – С. В.).

Незадолго до кончины своей Данила Иванович отдал замуж свою старшую дочь Анну за Адриана Лукьяновича Толмачева (бригадира, помещика Епифановского уезда Тульской губернии – С. В.). Вдова его Анна Ивановна осталась с двумя детьми: сыном Александром Даниловичем, которому был восемнадцатый год, и с дочерью Ольгой, лет одиннадцати.

Воспитание своему сыну Александру Яньков дал самое хорошее: он прекрасно говорил и писал по-французски и по-немецки, учился итальянскому языку и португальскому, изучал разные науки: историю, математику, астрономию и морское плавание, и мало ли чему его учили. Он был очень красив собою, умен, да к тому же еще и состояние получил после отца очень большое, и по всему этому был принят в лучшем кругу.

В каком полку он служил, этого я, право, не знаю, но слыхала, что к нему был очень расположен граф Петр Семенович Салтыков и скоро взял его к себе в адъютанты. Он много с ним путешествовал: ездил то в Митаву, то в Дерпт, то в Ригу, жил сколько-то времени в Стокгольме, был в Глухове, в Нежине, и у Салтыковых в доме был своим человеком. Граф Салтыков имел к нему большое доверие и просил его присматривать за его сыном Иваном Петровичем и следить, так ли его учат наукам. Когда молодому графу исполнилось восемнадцать лет и пора ему было вступить в службу, то граф Петр Семенович, находившийся в ту пору либо в Риге, либо в Митаве, просил Янькова съездить за своим сыном в Москву и привезти его для поступления на службу, что тот и сделал.

Александр Данилович женился в 1745 году на Анне Ивановне Татищевой, дочери Ивана Федоровича и жены его Степаниды Алексеевны, урожденной Новосильцевой. Свадьба была в Москве, в приходе Успе-

ния на Овражке, в Газетном переулке, 10, где у них был свой дом. Жениху был двадцать пятый год, невесте пятнадцатый; по-тогдашнему это было так принято, что девушек отдавали рано замуж; сказывали мне, что ма-тушкина мать, княжна Мещерская, была двенадцати лет, когда выходила замуж.

Женившись на Татищевой, Яньков попал в очень знатное родство: родная тетка его тещи, Марья Яковлевна Новосильцева, была за именитым человеком Григорием Строгановым, следовательно, все Строгановы — Григорьевичи: Николай, Александр, Сергей, сколько их там было, приходились Анне Ивановне двоюродными дядями, а другая Новосильцева, Марья Ионишна, двоюродная ее тетка, была за адмиралом Александром Ивановичем Головиным; тоже в свое время люди со значением.

Несколько лет спустя внучатые сестры Анны Ивановны, баронессы Строгановы, сделали прекрасные партии: одна вышла за родного племянника императрицы Екатерины Скавронского, другая за Голицына, третья за Долгорукова, сына известной схимницы Нектарии, дочери Шереметева Бориса Петровича. Все эти родственные связи еще более улучшали положение Яньковых, и выдвигали их вперед, и давали им почетное место в тогдашнем обществе. Мать Александра Даниловича Анна Ивановна была хорошая хозяйка, умела вести свои дела исправно и, имея после мужа около 5000 душ в лучших губерниях, одна всем заправляла до самой своей кончины в 1751 году. Кажется, она преимущественно жила в Москве; должно быть, и ее невестка оставалась с нею, а сын был все в разъездах вместе с Салтыковым.

Родство в Москве было большое. Когда Александр Данилович женился, то была еще в живых бабушка его жены, схимонахиня Анфиса; она была с лишком

семидесяти лет и жила в Зачатьевском монастыре. Сама по себе Братцова Анна Васильевна была за Алексеем Яковлевичем Новосильцевым и имела от него трех дочерей: Степаниду, что за Татищевым (Иваном Федоровичем), Дарью, которая была за Соковниным (Петром Алексеевичем [полковником, действительным статским советником, сыном окольного Алексея Прокофьевича Соковнина, который в 1697 году вместе со стрелецким полковником Иваном Елисеевичем Циклером и стольником Федором Матвеевичем Пушкиным организовал заговор против царя Петра I. 23 февраля заговор был раскрыт. Два стрельца известили царя о намерении заговорщиков зажечь дом, в котором находился царь, и во время пожара убить его. Петр явился на место собрания заговорщиков, лично арестовал их и организовал над ними суд.

На пытках И. Циклер назвал главным организатором заговора А. Соковнина, который будто бы неоднократно говорил ему, что так как царь везде ездит один, то его легко можно убить, особенно во время какого-нибудь пожара. В случае успеха стрельцы планировали возвести на царский престол царевну Софью Алексеевну, старшую сестру Петра. Так как Циклер сомневался в желании стрельцов «взять» царевну, то Соковнин будто бы сказал ему: «мы и тебя выберем на царство». Соковнин на пытке сообщил, что вслед за Циклером к нему приезжал зять Циклера, Федор Пушкин, и тоже говорил об убийстве царя Петра. Алексей Соковнин не выдержал пыток и признался во всем, в чем его обвиняли. 4 (14) марта 1697 года заговорщики А. П. Соковнин, И. А. Циклер и Ф. М. Пушкины были четвертованы в Москве на Болотной площади — С. В.) и Марью за Шишкиным (Василием Михайловичем). Все эти семьи жили в Москве. Овдовев, Анна Васильевна пошла

в монастырь и постриглась под именем Александры, прожила сколько-то времени в монастыре и пожелала принять схиму. Она скончалась три года спустя после женитьбы Янькова на ее внучке Татищевой и погребена у соборной церкви, напротив самого алтаря. Несколько лет спустя рядом с нею схоронили ее двух дочерей.

...Александр Данилович жил очень хорошо и открыто; когда он женился, у него была золотая карета, обитая внутри красным рытым бархатом, и вороной цуг лошадей в шорах с перьями, а назади, на запятках, букет. Так называли трех людей, которые становились сзади: лакей выездной в ливрее, по цветам герба, напудренный, с пучком и в треугольной шляпе; гайдук высокого роста, в красной одежде, и арап в куртке и шароварах ливрейных цветов, опоясанный турецкою шалью и с белой чалмой на голове. Кроме того, пред каретой бежали два скорохода, тоже в ливреях и в высоких шапках: тульи наподобие сахарной головы, узенькие поля и предлинный козырек. Так выезжали только в торжественных случаях, когда нужен был парад, а когда ездили запросто, то скороходов не брали, на запятках был только лакей да арап, и ездили не в шесть лошадей, а только в четыре, но тоже в шорах, и это значило ехать запросто. Лошадей в то время держали помногу: у батюшки при жизни матушки было три цуга: один для него, один для матушки да запасный и, кроме того, несколько лошадей рассыльных для людей, водовозок, так что на конюшнях набиралось лошадей около тридцати, а у кого и больше. Стало быть, и кучеров, и конюхов человек по десяти.

У Александра Даниловича, сказывала мне его дочь, было три цуга: вороной крупный, вороной английский кургузый, гнедой; четверня серая; четыре лошади кургузые верховые да разных еще лошадей с четыре. И это не казалось в ту пору, что много.

Людей в домах держали тогда премножество, потому что кроме выездных лакеев и официантов были еще: дворецкий и буфетчик, а то и два; камердинер и помощник, парикмахер, кондитер, два или три повара и столько же поварят; ключник, два дворника, скороходы, кучера, форејторы и конюхи, а ежели где при доме сад, так и садовники. Кроме этого у людей достаточных и не то что особенно богатых бывали свои музыканты и песенники, ну, хоть понемногу, а все-таки человек по десяти. Это только в городе, а в деревне — там еще всякие мастеровые, и у многих псари и егеря, которые стреляли дичь для стола; а там скотники, скотницы, — право, я думаю, как всех сосчитать городских и деревенских мужчин и женщин, так едва ли в больших домах бывало не по двести человек прислуги, ежели не более. Теперь и самой-то не верится, куда такое множество народа держать, а тогда так было принято, и ведь казалось же, что иначе и быть не могло. Это, я думаю, потому, что все было свое: и хлеб, и живность, и все припасы, все привозилось из деревень; всего заготовляли помногу, стало быть, и содержание стоило недорого; а жалованье людям платили небольшое, сапоги шили им свои мастера, платье тоже, холст был некупленный.

В то время, как матушка Александра Даниловича скончалась, — это было в начале января 1751 года в Москве, — он был с женой в Петербурге. Известие пришло к нему на шестой день; он два дня просбирался еще: служил в то время провиантмейстером, стало быть, и отлучиться без отпуска нельзя; поехал с женой в Москву и приехал уже на одиннадцатые сутки после ее кончины. Хоронить дожидались. Поблизости их дома от Никитского монастыря там и схоронили, а отпевал и сорочины правил преосвященный Лев из рода Юрловых. Он жил тогда в Москве, в каком-то монастыре, на

покое после тех скорбей, которые он испытал. Вот что о нем мне рассказывали люди достоверные, помнившие его. Он был сын нижегородского дворянина и назывался Лаврентием. Родители его оба умерли, и он остался сиротой. Сродни ли были ему Троекуровы или из жалости, но почему-то один из князей Троекуровых взял его к себе в дом и воспитывал вместе со своими детьми. Потом Лаврентия записали в полк, и он был в походах, но вдруг он задумал идти в монахи и постригся; был после того архимандритом и, наконец, был сделан воронежским архиереем. Когда взшла на престол императрица Анна, он почему-то не отслужил вскорости молебна: кто-то из городских властей, по неприязни к нему, и донес на него в Синод. Вот из-за этого и вышла вся беда: Прокопович его не жаловал, так как он был из дворян и мог ему быть помехой на пути, а кроме того, был еще и в дружестве с архиереем из рода Дашковых, которых Прокоповичу хотелось стереть с лица земли. Началось дело, пошли допросы, и кончилось тем, что Дашкова и Юрлова и еще сколько-то архиереев расстригли и разослали по разным монастырям отдаленным. Больше десяти лет томился Юрлов. Когда взшла на престол императрица Елизавета Петровна, то по милостивому манифесту подвели и ссыльных архиереев под прощение: которые перемерли, а Юрлова вернули и все ему опять возвратили, потому что знали, что он страдал невинно; хотели было опять его сделать где-нибудь местным архиереем, но он не пожелал и просил, чтоб ему дали какой-нибудь монастырь в Москве, где он и жил чуть ли не пятнадцать лет. Вся Москва его очень чтילה и уважала: он был точно истинный святитель и слуга Христов, человек умный и приятный.

Много причинил вреда этот Прокопович, а все из-за того только, что опасался людей достойных, которые

могли стать ему на пути. И чем же все это для него окончилось? Он умер, не дождавшись — чего так добивался — митрополитства, погубил премножество добрых и честных людей и оставил по себе очень нехорошую память. Теперь все это давно перезабыто, а кто помнил его время, не с похвалой, а с ужасом об нем отзывался.

Александр Данилович за погребение своей матери поднес преосвященному Льву панагию, а в монастыре была заказана поминовенная служба на год: с певчими, со свечами и с ладаном, по субботам обедни и панихиды; и что же за все это? только двадцать пять рублей [* Бабушка постоянно и говорила и писала: рублей, а не рублей; иного делов, а не дел, хотя слышала, как говорят другие, не изменяла своей привычки.] в год. Говорю это, чтобы показать, какие тогда были цены и как дороги деньги.

Сестра Александра Даниловича Ольга была сговорена за Приклонского Ивана Михайловича, когда их матушка скончалась. Чтобы не откладывать свадьбы до лета, так как наступала масленица, она венчалась до истечения шести недель. Мать этого Приклонского была по себе Колычева, кажется, Екатерина Ивановна (Иван Михайлович, сын Михаила Ивановича Приклонского и Екатерины Ивановны Колычевой, женатый на Ольге Даниловне Янковой, имел сына Дмитрия Ивановича — предка патриарха Алексия I (Сергея Владимировича Симанского). А родной брат Михаила Ивановича — стольник и бригадир Василий Иванович Приклонский — был женат на Ульяне Юрьевне Есиповой — а это предки, между прочим, Александра Сергеевича Пушкина — С. В.).

У Янковых было две дочери, Анна и Клеопатра, а мальчики все умирали; умерло и несколько дочерей.

В то время, то есть в 1752 или 1753 годах, стали прославляться мощи ростовского митрополита святителя Димитрия, и много совершалось чудес от его мощей;

слыша это, Яньковы не раз туда ездили и положили, что ежели Господь им дарует еще сына, непременно назвать его Димитрием.

Между тем Александра Даниловича сделали прокурором в чине полковника и послали в Белгород; это уже было, должно быть, в 1760 году. Они купили дом в Белгороде у Толстого и там основались на житье. Когда они туда уехали, то людей отправляли в фурах, и одна фура была с горничными, в числе которых было и несколько кружевниц, которым были заданы уроки, сколько сплести кружева во время дороги: так как ехали на волах, очень тихо, то и велено было девкам не терять даром времени, а заниматься делом. Это я слышала от одной из кружевниц, Акульки, которую я уже стала знать, когда она была в летах, женой приказчика, и потому из Акульки сделалась Акулиной Васильевной.

В Белгороде в то время архиереем был преосвященный Иосаф, [* Иосаф Миткевич, в 1748–1750 гг. префект и ректор Новгородской семинарии, в 1756 году архимандрит хутынский; в 1758 году, апреля 26-го, епископ Белгородский; погребен в Белгороде.] человек очень умный и обходительный, и Александр Данилович с ним очень сошелся и просил его, уезжая в 1761 году в Петербург, чтоб он навещал его жену во время его отсутствия и что ежели без него родится ребенок, которого ожидали, и будет сын, то чтобы преосвященный не отказался быть восприемником и дал бы ему имя Димитрия, в честь новопрославленного святителя. И как ожидали и желали, так и случилось: Яньков по делам должен был отправиться в Петербург, и не прошло месяца, как он получил уведомление, что жена его родила сына, названного Димитрием, и крестил его архиерей, который при крещении благословил своего крестного сына рукописною книгой «Летописец

святителя Димитрия» с собственноручными заметками святителя.

В конце того же года Александра Даниловича вызвали в Петербург и сделали прокурором в главной провиантской комиссии, и он снова поселился в Петербурге, где в 1763 году родился у него еще сын Николай.

Меньшая сестра Анны Ивановны Марья Ивановна после кончины своих родителей жила частью у сестры, а когда та уехала в Белгород, то стала жить в доме у своей кузины Скавронской, жены графа Мартына Карловича (барона Розена – С. В.), и из его дома вышла замуж за Николая Алексеевича Мамонова (Мамонова-Дмитриева – С. В.). Так как Яньковы были с хорошим состоянием, то Анна Ивановна по совету мужа и отказалась от своей части из отцовского имения в пользу сестры своей Мамоновой.

Брат Яньковой и Мамоновой Семен Иванович был женат на княжне Урусовой Анастасии Васильевне, [* В родословной Долгоруких Татищевы, Иван Федорович и все его дети, пропущены, и в родословной князей Урусовых Анастасия Васильевна не показана; думаем, что она дочь князя Василия Алексеевича (70) и сестра Анны Васильевны Зиновьевой (83). Анну Васильевну Зиновьеву, думаем, следует поместить в родословной (издание «Русской старины») с ее мужем, между 56 и 57.] свадьба эта была в 1757 году в Москве, в доме у Александра Даниловича в Газетном переулке; вероятно, посаженою матерью была родная тетка Соковни-на, а посаженным отцом Александр Данилович. Когда именно умер Семен Иванович и его жена, я не знаю, но они жили долго, детей не оставили, и татищевское имение, село Новое, перешло к Марье Ивановне Мамоновой, а после нее досталось ее дочери, Анне Николаевне Неклюдовой [* Неклюдова Анна Николаевна, вдова

генерал-майора, имела двух дочерей: 1) Варвару Сергеевну, за генерал-лейтенантом Владимиром Григорьевичем Глазенап, детей не было, и 2) Марью Сергеевну, за тайным советником Владимиром Николаевичем Шеншиным: три дочери и сын Сергей. По нерасположению к меньшей дочери А. Н. Неклюдова отдала все свое имение помимо ее чужим — детям своего зятя Глазенап. Ныне село Новое принадлежит Михаилу Владимировичу Глазенап.].

В конце 1764 года Яньковы переехали опять на житье в Москву: Александр Данилович все хворал и в конце мая 1766 года скончался и был погребен в своей приходской церкви у Успенья на Овражке, в приделе св. Николая, за левым клиросом у окон, рядом со своими малолетними детьми, там же погребенными.

Анна Ивановна осталась с четырьмя детьми: двумя дочерьми — Анной, 16-ти лет, Клеопатрой, 14-ти лет, и двумя сыновьями — Дмитрием, 5-ти лет, и Николаем, 3-х лет. Года два спустя она поехала в Петербург и поместила своих мальчиков в малолетний Шляхетский корпус, где был в то время директором известный Иван Иванович Бецкий [внебрачный сын генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, сокращенную фамилию которого впоследствии и получил, и шведской баронессы Вреде (по данным Е. Е. Трубецкой, Шпарр), сына княжны Екатерины Васильевны Трубецкой (Голицыной), внука Василия Васильевича Великого — С. В.] и где воспитывался первый из Бобринских, впоследствии граф Алексей Григорьевич (сын Екатерины II и Григория Орлова — С. В.). Императрица Екатерина весьма заботилась о его хорошем воспитании, и потому, говорят, малолетний корпус был тогда в самом цветущем положении. Анна Ивановна, говорят, очень грустила, что рассталась с детьми, и, пожив еще до

1772 года, скончалась от простудной горячки на другой день Рождества Христова. Ее отпели в Москве, но так как хоронить в приходских церквях со времени чумы было воспрещено, то и схоронили ее в подмосковной, в селе Горках, в приделе пророка Даниила.

Умирая, Анна Ивановна завещала своих детей внучатой своей сестре, княгине Анне Николаевне Долгорукой, урожденной Строгановой, а мужа ее, князя Михаила Ивановича, назначила опекуном над детьми и над их именем.

Обе девицы Яньковы переехали жить к Долгоруким в их дом близ Девичьего поля в приходе Воздвижения на Пометном Вражке. Младшая из дочерей, Клеопатра, была, говорят, прекрасна собою, но слабого здоровья. Она очень любила свою мать, после ее смерти стала чахнуть и спустя два года после нее скончалась от чахотки; ее отпели также в Москве и повезли в село Горки и схоронили там в церкви, возле ее матери. Ей было от рождения 22 года.

Старшую сестру я знала; она бывала у батюшки и всегда его величала «братец», потому что доводилась ему правнучатою сестрой, и он тоже называл ее сестрицей. Но он не очень ее долюбливал и про нее говорил: «Эта старая девка прехитрая и прелукавая, и только у нее и разговору, что ее Долгорукие». Я стала ее знать в конце 80-х годов, когда ей было уже под сорок лет. Она была очень мала ростом; головка прехорошенькая, премилое лицо, глаза преумные, но туловище само неуклюжее: горб спереди и горб сзади, и, чтобы скрыть этот недостаток, она всегда носила мантилью с капюшоном, очень большим и весьма сборчатым, так что сверху из капюшона выглядывала маленькая головка, а снизу тащилась преполная юбка с длинным шлейфом, что выходило пресмешно. Анна Александровна была очень умна и воспи-

тание получила хорошее, что тогда было довольно редко. Все учение в наше время состояло в том, чтоб уметь читать да кое-как писать, и много было очень знатных и больших барынь, которые кое-как, с грехом пополам, подписывали свое имя каракулями. Анна Александровна, напротив того, и по-русски, и по-французски писала очень изрядно и говорила с хорошим выговором.

По смерти сестры своей она осталась жить у Долгоруких, которые имели трех дочерей: Прасковью Михайловну, Анну Михайловну (впоследствии за графом Ефимовским) и Елизавету Михайловну (потом за Селецким) и сына Ивана Михайловича, который был сочинителем и стихотворцем. Княжны были помоложе Яньковой, и, живя у них в доме, она за ними приглядывала и, как старшая, иногда с ними выезжала.

У батюшки она бывала изредка, и, хотя он принимал ее по-родственному, но особого внимания ей никогда не оказывал, и так как с Долгорукими не был знаком, то к ней и не ездил.

Когда ее братья, Дмитрий и Николай, вышли из корпуса в 1783 году, она с ними приезжала к батюшке, но это было в то время, как скончалась матушка, и нам тогда было не до того; не помню, принимали ли их или нет. После того они бывали у нас три-четыре раза в год, но с 88 или 89 года Анна Александровна стала у нас бывать чаще и чаще.

Раз как-то батюшка и говорит за столом:

— Не понимаю, отчего это Янькова так зачастила ко мне; давно ли была, а сегодня опять ко мне приезжала; не знаю, что ей нужно, а уж верно недаром — она прелукавая.

И старший из ее братьев тоже стал у нас бывать почаще прежнего. Младший, Николай, был уже в то время женат и жил большей частью с женой в деревне.

Прошло еще сколько-то времени, приезжает к батюшке тетушка Марья Семеновна Корсакова и говорит ему:

— А я, Петр Михайлович, к тебе свахой приехала, хочу сватать жениха твоей дочери.

— Которой же?

— Елизавете, батюшка.

— Елизавете? Она так еще молода... А кто жених?

— Старший из Яньковых, Дмитрий.

— Нет, матушка сестрица, благодарю за честь, но не принимаю предложения: Елизавета еще молода; я даже ей и не скажу.

И точно, батюшка мне ничего не сказал и не спросил моего мнения; а узнала я это от сестры Елизаветы Александровны: пока тетушка была с батюшкой, она мне и говорит: «Елизавета, поди-ка сюда», отвела меня в сторону и шепчет:

— Матушка приехала тебе сватать жениха, Янькова Дмитрия Александровича.

Тетушка уехала; батюшка молчит; проходит день, другой, третий; так батюшка ничего мне и не сказал и только после уже мне это рассказывал.

Прошло, должно быть, с год, опять тетушка Марья Семеновна повторяет батюшке то же предложение, и опять он отказал наотрез, а сказал: «Спешить нечего, Елизавета еще не перестарок; а засидится — не велика беда, и в девках останется».

И мне об этом ни слова; а сестра Елизавета мне опять шепнула.

Думаю себе: «Стало быть, батюшка имеет какие-нибудь причины, что это ему не угодно».

Помнится мне, что однажды я подхожу в зале к окну и вижу: едет на двор карета Яньковой; у меня отчего-то сердце так и упало.

Я прошла во вторую гостиную. Батюшка был дома у себя и кабинете. Ему доложили, он вышел в гостиную и Анну Александровну принял: из нас никого не позвали, они посидели вдвоем, что говорили — было не слышно, и Янькова уехала.

Тут батюшка меня кликнул:

— У меня сейчас была Янькова, приезжала сватать тебя, Елизавета, за брата своего Дмитрия. Говорит мне: «Петр Михайлович, вот вы два раза все говорили тетушке Марье Семеновне, что Елизавета Петровна еще слишком молода; неужели и теперь мне то же скажете, а брат мой приступает, чтоб я узнала ваш решительный ответ». Я ей на это и сказал: «Мы, сестрица, родня... И что это, право, далась вам моя Елизавета; неужели кроме нее нет и невест в Москве?» Про Дмитрия Александровича нельзя ничего сказать, кроме хорошего: человек добрый, смирный, неглупый, наружности приятной, да это и последнее дело смотреть на красоту; ежели от мужчины не шарается лошадь, то, значит, и хорош... Родство у Яньковых хорошее, они и нам свои, и состояние прекрасное: чем он не жених? Не будь сестра у него, я никогда бы ему не отказал... Но вот она-то меня пугает: пресамонаравная, прехитрая, братьями так и вертит, она и тебя смяла бы под каблук; это настоящая золовка-колотовка, хоть кого заклюет. Не скорби, моя голубушка: тебя любя, я не дал своего согласия...

А быть тебе за ним, — прибавил батюшка, немного помолчав, — так и будет, по пословице: суженого конем не объедешь!

Это, что я рассказываю, было или в 92-м году, перед Рождеством, или в начале 93-го года.

Дело о сватовстве совершенно заглохло: Яньковы бывали редко, верно, считали себя обиженными. А

мне, признаюсь, Дмитрий Александрович приходился по мысли: не то чтоб я была в него влюблена (как это срамницы-барышни теперь говорят) или бы сокрушалась, что батюшка меня не отдает, нет, но дай батюшка свое согласие, и я бы не отказала.

Настала весна; мы начали собираться ехать в деревню и часть обоза отправили уже вперед; это было после Николина дня; вот как-то я утром укладываю кой-что, для отправки тоже, присылает за мною батюшка: «Пожалуйте, Елизавета Петровна, в гостиную». Спрашиваю: «Кто там?». Говорят: «Яньков».

Вошла я в гостиную; батюшка сидит на диване превеселый, рядом с ним Дмитрий Александрович, весь раскраснелся и глаза заплаканы; когда я вошла, он встал. Батюшка и говорит мне:

— Елизавета, вот Дмитрий Александрович делает тебе честь, просит у меня твоей руки. Я дал свое согласие, теперь зависит от тебя принять предложение или не принять... подумай и скажи.

Я отвечала: «Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то я не стану противиться, соглашаюсь и я».

Дмитрий Александрович поцеловал руку у батюшки и у меня; батюшка нас обоих обнял, был очень растроган и заплакал; глядя на него, заплакали и мы оба, его обняли и поцеловали руку. Потом батюшка говорит, смеясь и обняв Янькова:

— Ведь экой какой упрямец, четвертый раз сватается и добился-таки своего! Ну, Елизавета, верно, было тебе написано на роду, что тебе быть за Яньковым. Поди объяви сестрам, что я тебя просватал, и позови их сюда, мы помолимся.

Я побежала к сестрам и объявила им новинку, что я невеста; все меня целовали, поздравляли, и мы пошли вместе в гостиную. Батюшка стал пред образом лицом

на восход и потом взял мою руку и передал Дмитрию Александровичу.

— Вот, друг мой, — сказал он, — отдаю тебе руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги и в обиду не давай; ее счастье от тебя теперь зависит. — А мне батюшка примолвил: — А тебе, Елизавета, скажу одно: чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что он глава в доме, а не ты, и во всем его слушайся.

Это называлось в наше время «ударил по рукам»; через несколько дней был назначен сговор. Моему жениху было 34 года, мне 25 лет. Начались у нас в доме хлопоты о приданом, и тут больше всего помогла нам сестра Екатерина Александровна Архарова: она имела понятие обо всем, знала всему цену и была женщина с большим вкусом.

Сговор был назначен чрез несколько дней. Так как май был уже в исходе и многие из родных разъехались по деревням, то звали самых близких из тех, которые еще не уехали, и то, однако же, было довольно.

На сговоре мая 27 были: бабушка Аграфена Федотовна Татищева с дочерьми; тетушка Марья Семеновна Корсакова, сестра Елизавета Александровна и ее сестра Архарова; дядюшка Ростислав Евграфович Татищев, кажется, с женой; матушкина двоюродная сестра, тетушка Аграфена Сергеевна Мясоедова, Прасковья Александровна Ушакова, батюшкина двоюродная тетка (дочь Прасковьи Никитишны Татищевой, бывшей в первом браке за Александром Ивановичем Теряевым), матушкина приятельница Наумова (урожденная Сафонова) и еще человек с десяток, которых теперь и не упомяну. Это с моей стороны. С жениховой стороны: его сестра Анна Александровна, княгиня Анна Николаевна Долгорукова, двоюродный дядя жениха Сергей Петрович Соковнин, приятель его Щербачев; ну, конечно, брат

жениха Николай Александрович, один без жены, и еще кто-то, и тоже по давности не могу вспомнить. В этот вечер был молебен и потом должен был быть обмен образы: женихов, как водилось, остается у невесты, а невестин у жениха. Меня батюшка благословил большою иконой Влахернской божьей матери; ждали, что и с жениховой стороны привезут икону, и что же? Анна Александровна привезла на серебряном подносе крест с мощами. Конечно, это была святыня, но как-то странным показалось всем, что на сговор привезли крест, а не икону. Жених привез мне жемчужные браслеты, потом дарил мне часы, веера, шаль турецкую, яхонтовый перстень, осыпанный бриллиантами, и множество разных других вещей.

Тут же на сговоре батюшка сказал Анне Александровне: «Ну, теперь уж перестаньте меня называть братцем; дочь моя выходит за вашего брата, их, пожалуй, еще и разведут». По Татищевым батюшке приходился мой жених правнучатым братом и был мне, следовательно, дядей. По нашим понятиям о родстве думали, что нужно архиерейское разрешение: жених ездил — не умею сказать — к викарию ли, или к самому митрополиту, и когда он объяснил, в чем дело, то ему сказали, что препятствия к браку нет и разрешения не требуется.

Батюшка жаловал мне в приданое по сговорной записи: 200 душ крестьян в Новгородской губернии, в Череповском уезде, и приданого на двадцать пять тысяч рублей серебром. В том числе были бриллиантовые серьги в 1500 р.; нахтиш (то есть туалет) серебряный в 1000 р., столовое и чайное серебро, из кармана на булавки 2500 р.

Мы жили близ Остоженки в своем доме, и венчали меня у Ильи Обыденного поутру июня 5. Подвенечное платье у меня было белое глазетовое, стоило

250 р.; волосы, конечно, напудрены и веночек из красных розанов — так тогда было принято, а это уже гораздо после стали венчать в белых венках из флердоранж. Батюшке угодно было, чтобы свадебный обед был у него в доме. Он сказал заранее жениху:

— Что тебе, братец, тратиться на свадебные угощения, я это беру на свой счет: старших у тебя в доме нет, сестра твоя девушка, лучше у меня отобедаете, а к вечеру и отправитесь к себе в дом.

Никогда после того не пришлось мне об этом говорить с батюшкой, но думаю, что он так распорядился того ради, чтобы с первого раза не дать хозяйничать моей золовке.

На следующий день мы поехали с визитами, и мне в первый раз пришлось видеть князя Михаила Ивановича Долгорукова, родственника Яньковых и их опекуна во время малолетства.

Он жил в своем доме у Воздвиженья на Пометном Вражке близ Девичьего поля. Долгоруковы были прежде очень богаты, но вследствие опал и гонения на их семейство многие из них при Анне и Бироне лишились почти всего; потом, хотя им и возвратили имение, они никогда не могли совершенно оправиться, но помня, как живали их отцы и деды, тянулись за ними и все более и более запутывались в своих делах. Этот дом у Девичьего поля был прежде загородным, а московский дом был где-то на Мясницкой, на Покровке, на Тверской, и был продан в 1784 году [* См. «Капище моего сердца»] — не знаю наверно. Когда средства поубавились, то загородный дом стал городским. Может быть, если бы средства князя Михаила Ивановича были позначительнее, он и не стал бы жить в Москве, а постарался бы в Петербурге быть поближе к солнышку, да по пословице: бодливой корове Бог рог не дает — не имел возможности. В Петербурге

жили его родные: Шереметевы, Строгановы, Черкасские, Скавронские, все пребогатые, ему ли с его средствами было за ними тянуться? Вот и рассудил он, что лучше жить в Москве, да и тут подальше, чтобы было поменьше приемов. Его мать, многострадальная и добродетельная старица Нектария, после тяжелых своих испытаний пришла, говорят, в великое смирение и, живя в Киеве в монастыре, на самом деле отеклась от всякой мирской суеты, а сын ее, напротив того, был самым суетным, мелочным и тщеславным человеком. Он был очень недалекого ума и потому пренадменный и прелегковерный. Он едва не попал в большую беду и чуть-чуть с собою не втянул в эту беду совершенно невинно мать моего мужа и все ее семейство.

Вот какую затеяли было интригу, пожалуй, назови это даже заговором: хотели возвести на престол Ивана Антоновича при содействии князя Михаила Ивановича и обещали ему, что если он в этом поможет, то молодой император женится на его старшей дочери, княгине Прасковье Михайловне. Долгорукый верил возможности привести это в исполнение и принял участие в этой интриге, которая, к счастью, окончилась ничем. Свидание между Долгоруким и Иваном Антоновичем, который явился к нему под видом монаха с Афонской горы, было в Киеве, когда князь туда ездил со своим семейством, в 1770 году, вместе с ними ездила и Анна Ивановна Янькова. Долгорукый так был легковерен, что уговорил Янькову выстроить у себя в Веневской деревне, в селе Петрове, дом, где будет жить Иван Антонович и дожидаться, чтоб его провозгласили императором.

Дом Долгоруких был преогромный деревянный: большая зала, большая гостиная, за нею еще другая, тут на подмостках, покрытых ковром, на золоченом кресле сиживал у окна князь Михаил Иванович. В глухой сво-

ей гордости он считал, что делает великую честь, когда сойдет со своих подмостей и встретит на половине комнаты или проводит до двери: далее он никогда не ходил ни для кого.

Когда мы приехали, он спустился со своих лесов и встретил нас, как молодых, чуть ли не у двери. Ему было на вид лет 60 или более; небольшого роста, очень дородный и тучный человек, в зеленом бархатном кафтане, очень поношенном, кружевное жабо и манжеты, тоже очень истрепанные, напудренный, завитой в три локона, с пучком и с кошельком. Лицом он был бы недурен, но напыщенный и надменный вид его производил самое неприятное чувство. По своему понятию он принял нас милостиво, но мне очень не понравилась его покровительственная и снисходительная приветливость. Княгиня Анна Николаевна была просто ласкова, безо всяких шуток, княжны внимательны, а от князя так и разило его чуфарством.

Мне недолго пришлось посещать князя: с небольшим чрез год после моего замужества он умер, и тогда я могла бывать у доброй княгини без неприятного чувства: к ней я могла ехать в гости, а к нему приходилось ехать на поклон.

Одна из княжон вышла потом замуж за графа Ефимовского, а другая за Селецкого.

У князя был еще младший брат, князь Дмитрий Иванович, прекрасный собой, но больной и слабый головой, то есть немного скудоумен. Ему хотелось вступить в монашество, но императрица Екатерина II воспрепятствовала, и он был пострижен в ряску и жил очень благочестиво. За несколько времени до кончины он совершенно пришел в себя: ум его сделался совершенно здравым, слабое здоровье укрепилось, он предуз-

нал свою кончину, которая последовала (кажется) во время чумы, бывшей в Киеве.

Анна Александровна Янькова, с детства привыкшая к обхождению Долгорукова, не чувствовала его надменности и, по привычке, очень пред ним благоговела и, как батюшка говаривал, подличала пред ним и очень удивлялась, что я не расположилась к этому очень непривлекательному старику. Кроме того, я была с ним настороже потому, что батюшка меня предупредил: «Будь ты с ним осторожнее; он, говорят, старый греховодник, великий охотник до хорошеньких и молоденьких женщин».

Весь дом Долгоруких поражал неприятно: во всем заметна была напыщенность, желание бросить пыль в глаза и показать свою вельможественность, а средства-то были очень плоховаты, и потому в передней лакеи были в гербовых презатасканных ливреях; в гостиной золоченая мебель была местами без позолоты, штофная обивка с заплатами, хрустальные люстры и жирандоли без многих хрусталей, ковры протерты, потолки закоптелые, старинные портреты в полинялых рамах, и так во всем сквозь гордость просвечивала скудость; я редко уезжала из этого полуразрушенного дома без очень тяжелого чувства.

Мы были, между прочим, с визитом и у Сергея Петровича Соковнина: милый, приветливый и обходительный человек. Дом не роскошный, но видно, что во всем достаток, везде чисто, хорошо и просто, но парадно и потому нарядно».

Эта большая цитата очень важна для понимания того, что род Яньковых породнился со многими знатными фамилиями той эпохи и занимал в государстве отнюдь не последнее место.

Маленькое отступление от темы – удивительное дело, но в числе литературных воспоминаний о «старине глубокой», записанных внуками, подобно Дмитрию Благово, есть и воспоминания Авдотьи Григорьевны Хрущовой (1786–1872), «которые записаны с ее слов ее воспитанницей и госпожой Варварой Николаевной Волоцкой». А Варвара Николаевна Волоцкая – прямой потомок камчадалки Шубиной. Вот и верь после этого в такие «случайные» совпадения.

Итак, Яньковы.

И снова «судьба». Андрей Николаевич Яньков женится на правнучке знаменитого Андрея Тимофеевича Болотова, также оставившего свои знаменитые литературные «Воспоминания».

Но не прошло и года после свадьбы, как Андрей Яньков умирает. Без него уже появляется на свет дочь Надежда.

И вот что происходит в дальнейшем: в книге, изданной в начале XX века монахами Оптиной пустыни, с которой были тесно связаны судьбы наших героев, говорится о том, что когда к Софье в первый раз поднесли маленькую Надю, она перекрестила ее и сказала: «Ты будешь девочка Божия, и никаких материнских прав на тебя иметь я не буду, но сама Царица Небесная управит твою жизнь по воле Своей!»

На самом деле это произошло через десять лет. Причина – Софья Михайловна принимает решение полностью посвятить себя служению Богу. И это не спонтанное решение, связанное с личной трагедией: четверо из шести детей Александры Дмитриевны Бибиковой и Михаила Павловича Болотова стали монахами. Один из них – монах Даниил (Дмитрий Михайлович Болотов) стал известным оптинским иконописцем, создателем портрета преподобного Амвросия Оптинского, духовной дочерью которого стала его родная

сестра Софья Михайловна, организатор и настоятельница женской общины в селе Шамордино, впоследствии схимонахиня Софья.

Позже эта община была преобразована в Шамординскую обитель, днем создания которого считается 1 (14) октября 1884 года.

Еще при жизни Амвросий Оптинский сказал, что «...Мать София свята!». Молитвенная память о схимонахине Софии сохранилась и по сей день, православные продолжают почитать ее как молитвенницу и заступницу, и в 1987 году она была прославлена при установлении Собора Тульских святых в лике местночтимых святых Тульской епархии как София Шамординская.

Младшая сестра Софьи Михайловны Яньковой (Болотовой) Елена вышла замуж за Михаила Андреевича Долинино-Иванского.

Для многих моих современников сейчас эта фамилия, возможно, ни о чем не говорит. Но вот цитата: «В 1895 году Долинино-Иванские и Толстые породнились. Иван Михайлович Долинино-Иванский (1869 — 1931) женился на княжне Александре Леонидовне Оболенской (1876 — 1958), мама которой, Елизавета Валериановна, была урожденная графиня Толстая, родная племянница писателя Л. Н. Толстого и дочь его сестры Марии Николаевны — монахини Шамординского монастыря Марии. Прабабушка Александры Леонидовны по линии отца (Мария Федоровна) происходила из почтенного рода Майковых, к которому принадлежал святой Нил Сорский; прабабушка по линии мамы (кн. Мария Николаевна) принадлежала к роду князей Волконских, восходящих к святому Михаилу, князю Черниговскому, замученному в 1246 году в Орде за отказ поклониться татарским кумирам».

Иван Михайлович Долинино-Иванский — родной сын Елены Михайловны Болотовой, внук Александры

Дмитриевны Бибиковой, двоюродный брат Надежды Андреевны Яньковой.

Все это тоже ведь не может быть случайным в той истории, которую мы сейчас рассказываем.

Десятилетнюю Наденьку взяла на воспитание двоюродная бездетная бабушка Надежда Дмитриевна Бибикова (1826 – 1898) – родная сестра Александры Дмитриевны.

В соседнем с Себиново селе также проживали Яньковы. Лидия Александровна Янькова, которая с детства была самой близкой подругой святой Матроны, –

двоюродная сестра Надежды Андреевны (1877 – 1951).

По преданию, Матрона предупреждала отца Лидии помещика Янькова о грядущей революции: «...Матрона говорила, что придет время — «будут грабить и разорять храмы и всех подряд гнать». Отцу Лидии Матрона в канун революции советовала продать имение и уехать за границу. Он не послушал, в результате все потерял и от потрясений скоро скончался» (Станислав Рыжов. Заметки северного паломника. http://ruskline.ru/analitika/2016/03/09/serdca_ne_tesnye/).

В 1920 годах Лидия Александровна Янькова умерла: «...под стеной Успенского храма сохранился склеп, где были похоронены в 20-е годы прошлого века последний священник храма и — помещица Лидия Александровна Янькова, верная подружка и помощница Матронушки. Упокой, Господи, душу ее, хочется верить, что она и сейчас рядом с Матроной» (Станислав Рыжков, там же).

Исследователи жизни святой справедливо задаются вопросом: как это было возможно, что две несовершеннолетние девочки 1883 и 1885 гг. рождения, при этом одна с ограничением движения, совершали паломничество. Возможно, это происходило, пока бабушка – Надежда Дмитриевна — была жива (она умерла в 1898 году): «По преданию, когда были в Андреевском соборе Кронштадта, батюшка Иоанн после службы попросил всех расступиться перед подходящей к солее слепой девочкой и громко сказал: «Матронушка, иди-иди ко мне. Вот идет моя смена — восьмой столп России». Матроне было тогда, по преданию, 14 лет, следовательно, она действительно могло совершать паломничество с Надеждой Андреевной, так как четырнадцать, по данным В.В. Бибикова, ей было в 1897 году...

Если Матрона покинула Себино в 1925 году, то можно предположить, что ей указали на порог, как

юродивой нахлебнице, братья-коммунисты Никоновы... («...Дмитрий Иванович Никонов скончался в 1912 году. Его сын Михаил в 1919 году вступил в ВКП (б), поднялся по карьерной лестнице на советской работе: был председателем сельсовета, а затем заместителем председателя исполкома Хованской волости, в 25 километрах от уездного города». ... «Бл. Матрона уехала из Себино примерно в 1925 году, потому что братья ее, Михаил и Иван, относились к ней с пренебрежением, были против того, чтобы к ней ходил народ, запрещали. Оба брата были коммунисты, а Матрюшенька со своей верой в Бога мешала им...» — из рассказа А. Б. Малаховой). И не случайно она нашла первоначальный приют в Москве у своих, как пишут, дальних родственников – больше ей некуда было податься, а многочисленные Яньковы и Бибиковы, по всей видимости, и не догадывались прежде, как и мой собеседник, девяностолетний Владимир Юрьевич Яньков, узнавший о тайне рождения святой Матроны из Интернета, что она одна из них. Впрочем, их самих в это же самое время, как описывает события красного террора Сергей Петрович Мельгунов, вычищали-вычесывали рабоче-крестьянской гребенкой, подводя под многочисленные расстрелы...

Вот как было, например, с семьей Владимира Юрьевича:

«Мои предки, тульские Яньковы внесены в шестую книгу древних дворянских родов Тульской губернии в 1821 г. (такие книги были в каждой губернии). Я узнал, что принадлежу к дворянскому сословию, в конце 40-х гг. Подумав, я стал сомневаться, являюсь ли я потомком Данилы Ивановича. Поэтому в последние годы я провел большую работу, связывался с архивами, копался в интернете и нашел документы, доказывающие, что я потомок Данилы Ивановича. Пропустив для экономии места

перечисление отдаленных предков, начну со своего деда. Мой дед, Иван Петрович Яньков (1854–1918) родился в Москве, но занесен в шестую книгу древних родов Тульской губернии (есть документ). Жена Евдокия Степановна (1864–1942) из крестьян. Дед женился на ней, когда ей было 15 лет. Он увидел ее на улице, влюбился в красавицу-крестьянку, посватался, и она с радостью

Святой праведный отец Иоанн Кронштадский

пошла за дворянина. У деда было имение в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии. Затем он разорился. Потеряв свое имение в Тульской губернии, он переехал в Самарскую губернию и с 1898 г. работал там управляющим имениями Бестужевых (родственников) в селе Теплый Стан Сызранского уезда Самарской губернии. В 1904 г. Иван Петрович Янков стал членом церковного приходского попечительства при церкви Св. равноап. Марии Магдалины села Теплый Стан. В конце жизни работал в Сызранской городской управе. Дед умер во время революции после бани. Заслуживает внимания и старший брат деда – Сергей Петрович. Он родился 23 ноября 1849 года, воспитывался в Петербургской реальной гимназии 7 кл. и в 3-ем Военном Александровском училище. Был в военном походе в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Участвовал в бою во время взятия в плен армии Османа-паши. Участвовал в сражении под Плевной 28 ноября 1877 г., в чине штабс-капитана — командира 11 роты Самогитского полка гренадерского корпуса. Позднее состоял в чине подполковника уездным воинским начальником. Имел ордена: св. Владимира с мечами и бантами, св. Анны 3 ст., св. Станислава 2 ст., медаль в память войны с турками в 1877–1878, румынский железный крест и медаль в память св. коронавания Александра III в 1883 году. В семье Ивана Петровича было 8-9 детей (точнее не знаю), несколько детей умерли в детстве (до революции была большая детская смертность), в том числе младший сын — дебил. Денег не хватало, и бабушка держала пансион для детей окрестных дворян. В городе была женская гимназия и мужское реальное училище, и обучавшиеся в ней дети окрестных дворян жили в бабушкином пансионе.

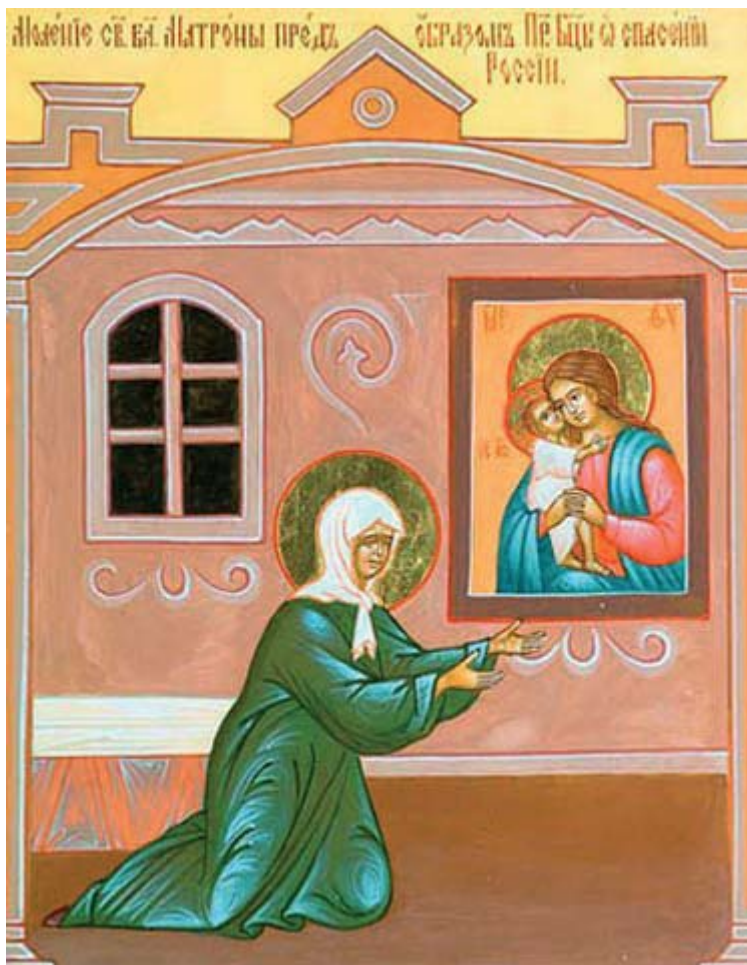
Две ее дочери вышли замуж за бывших пансионеров. У меня сохранилось фото обеда всей семьи с воспитанни-

ками. После смерти деда бабушка жила в Сызрани одна (дети разлетелись). В 1930 или 1931 году по настоянию старшего сына переехала в Москву и жила с внучкой Сусанной у одного из сыновей вдвоем в темной комнате (4 кв. м.). Она получала пенсию за умершего к тому времени старшего сына. В 1941 г., когда у Москвы стояли немцы, она, боясь лишиться пенсии в случае их прихода, эвакуировалась вместе с Наной к дочери в Коканд, где и умерла от тифа в 1942 г. Мой отец Яньков Юрий Иванович (1897–???) был младшим сыном семьи. Родился в селе Озерецком Самарской губернии и уезда. По отзывам мамы – «без царя в голове». Учился в Сызрани в реальном училище. В шестом классе начался его роман с мамой. Мама из зажиточной мещанской семьи, и там на этот роман смотрели неодобрительно. Окончил реальное училище в 1916 г. и, так как шла первая мировая война, был призван в 13-й Заамурский пограничный полк, где служил прапорщиком. После Октябрьской революции он участвовал в гражданской войне на стороне белых, во втором егерском Сызранском полку в армии Колчака и дослужился до штабс-капитана. В 1920 г. отец был взят в плен 11-ой Красной армией и Особым отделом этой армии отправлен в Рязанский концлагерь. Лагерь был организован в 1918 г. после покушения Каплан на Ленина. Сначала в нем содержались заложники, потом пленные белые офицеры. По свидетельству современных исследователей, содержание в лагере было неплохим. Через два года лагерь ликвидировали, и отец переехал в Москву. Здесь он женился на маме в 1923 г. Переселившись в Москву, он работал управдомом в доме 31 по Плющихе. Тогда домами управляли домовые комитеты – домкомы из жильцов дома, перед которыми отчитывался управдом. На одном из таких заседаний один из членов домкома, прекрасный человек, член Коммунистической партии с 1903 г., Полина Федоровна стала хвалить отца:

«вот Юрий Иванович, прекрасный управдом, несмотря на то, что был белым офицером». Нашелся стукач, который стукнул куда надо, и отца сослали в Тверь. Он устроился там на работу счетоводом, но совершил растрату. Лет пять тому назад я обратился Тверской ОВД, и мне сообщили, что отец был осужден по ст.ст. 116 УК и 109 УК РСФСР Калининским областным судом на 10 лет с конфискацией имущества. (Кажется, был громкий процесс, Калининская пресса кричала об его офицерстве). С 21.01.36 по 01.09.36 г. он сидел в Калининской тюрьме, затем был отправлен в Дмитровлаг НКВД Московской области. Он отсидел свои десять лет, уехал в Сибирь, там завел новую семью и умер старым человеком в 80-х годах XX столетия. Я пытался найти его следы, но успеха пока не добился. Отец переписывался со своей золовкой и в пятидесятых годах просил маму о свидании со мной, мама не разрешила (сынок работал в оборонке, вдруг это ему повредит)».

По-разному, как видите, складывались судьбы людей, связанных между собой кровным родством, но мы видим здесь как раз то, о чем сказал Валерий Владимирович Бибииков: «...**наша судьба зачастую предопределена многовековой историей всего рода**». Тем более она предопределена, когда в этом роду есть могучие духовные скрепы.

Завершить этот очерк я хочу цитатой из «Жития»: «Подвиг Матроны заключался в великом терпении, идущем от чистоты сердца и горячей любви к Богу. Именно о таком терпении, которое будет спасать христиан в последние времена, пророчествовали святые отцы Церкви. Как настоящая подвижница, блаженная учила не словами, а всей своей жизнью. Слепая телесно, она учила и продолжает учить истинному духовному зрению. Не имевшая возможности ходить, она учила и учит идти по трудному пути спасения».

Моление святой блаженной Матроны о спасении России:

«Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу».

Содержание

А где же тайна?	8
Тайна рождения Матроны Московской . . .	9
Вторая тайна — тайна происхождения . . .	17

Сергей Иванович Вахрин

Камчатская тайна
Святой Матроны Московской

ISBN 978-5-4386-1338-1

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

Телефон: (812) 900-21-45

Сайт: isvove.ru

Почта: editor@isvove.ru

Заказ № 1880

Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии

ООО «Свое издательство»